



Наталья Николаевна Моловцева родилась в селе Константиновка Ромодановского района Мордовской АССР. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Работала в газетах Магаданской, Сахалинской, Воронежской областей, Якутской АССР. Публиковалась в газете «Литературная Россия», журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Странник», «Ковчег» и сборниках прозы. Автор книг прозы «Меня окликни», «Тонкий серпик луны», «Берега вечности». Лауреат премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живет в городе Новохопёрске Воронежской области.

Наталья Моловцева

КОНЦЕРТ ДЛЯ ВЕТЕРАНА

Повесть-воспоминание

НАЧАЛО НАЧАЛ

Как давно мне не приходилось читать ничего подобного... Разве могла я предположить, принимая в свои руки три общих тетради, исписанные плотным почерком, что между их цветастыми обложками (как же без цветов, если авторы тетрадей — женщины) окажется столько любви и света?!

«Нашли чем удивить, — скажет иной недоверчивый читатель. — Да про любовь сейчас пишут все кому не лень».

Согласна. С небольшой поправкой: вам не кажется, что зачастую она бывает странная, эта любовь? То душевно больная, то ущербная, а то и просто, как известного рода юмор, ниже пояса. Особенно преуспел в такого рода «творчестве» телевизор. Если бы вдруг случилось чудо и ожила моя покойная бабушка — и присела перед нашим голубым экраном посмотреть нынешнее кино... о-о-о... я думаю, она с превеликой охотой запросилась бы обратно в гроб.

«Ну, знаете, — предвижу новые возражения. — Ваша бабушка когда жила? Тотто... Жизнь не стоит на месте, все меняется, в одну реку нельзя войти дважды. Государство — уж на что монолитное сооруже-

жение — и то поменять свое название, устоя и приоритеты. А что говорить про такую хрупкую материю, как любовь?!..»

Позволю себе встречный вопрос: а может, оно потому и ушло в небывшие, прежние государство, что мы разучились любить? В погоне за так называемыми благами жизни (материальный достаток, общественный престиж, успешное продвижение по карьерной лестнице) мы стали забывать, что такое настоящая, подлинная, а не выморочная или искусственно возвращенная любовь. Вот и результат...

В тетрадах же, попавших в мои руки, я обнаружила как раз ее — любовь, пронизанную светом. И, наверное, достаточно общих рассуждений. Пора уже сказать, чьими руками исписаны страницы в клеточку.

Это руки моих двоюродных сестер.

Наши отцы — родные братья, но, как ни странно, до сей поры я с ними, сестрами, не встречалась, и ничего-ничегошеньки об их жизни мне не было известно. Нет, я знала, конечно, что папкин брат дядя Миша живет в совхозе «Красный Узел» (это километров пятнадцать от моей родной Константиновки), что у дяди Миши много детей (если точно, то семеро), что они, в отличие от меня, родились, выросли, учились, а затем и работали на своей родине, в Мордовии, но подробности этой жизни долетали до меня нечасто и крохотными эпизодами, из которых нельзя было составить полной картины. Потому что как раз меня-то ветром судьбы занесло в очень далекие края, и на родину я приезжала только на время отпуска, а много ли узнаешь за его недолгое время? Вот почему жизнь дяди Миши и его семьи была для меня, что называется, terra incognita. Вот почему я так обрадовалась попавшим в мои руки тетрадам: может быть, как раз они и помогут нам, родственникам, наконец познакомиться друг с другом и, возможно, даже сблизиться, узнать друг о друге то, что было закрыто расстояниями и невстречами? Впрочем, я, кажется, опять говорю общие слова, в то время как пора открывать тетради моих сестреноч Тани и Тони.

Нет, все-таки еще несколько слов от себя. Имена моих сестреноч, как нетрудно заметить, похожи, всего-то в одной двойняшке совсем не редкость. Моя родная сестра Валентина говорит по этому поводу простоудушно: «Я их не различаю, какая Таня, какая Тоня». Поначалу и я не различала, но даже одной встречи оказалось достаточно, чтобы вскоре понять: Таня — это бушующий и вечно действующий вулкан, а Тоня — тише воды ниже травы. Таня — это та, которой трудно усидеть на месте, которая постоянно порывается что-то сказать и сделать. А та, что сидит молча, да еще и приопустив при этом голову, — Тоня.

С какой же тетради начнем? Конечно, с Таниной. Почему? Да потому что она и тут умудрилась быть первой — ее тетрадка сама юркнула в мои руки. А когда я увидела, что она пишет о родителях... Разве не с них, родителей, все и начинается — и сама наша жизнь, и повествование о ней?

И все же еще несколько слов... Попытаюсь нарисовать словесный портрет дяди Миши — отца Тани и Тони и, как я уже сказала, родного брата моего отца. Высокий. Широкоплечий. Красивый. В этом они с моим папкой похожи. Да они все были красивые — дети нашей бабушки Федоры, что дядя Миша, что дядя Леня, что мой папка Николай. Разница в том, что мой папка смеялся редко, а дядя Миша часто и охотно, и как засмеется — в глазах словно искорки зажигаются. Вот только не надо думать, что это был человек легкомысленный. За свою жизнь он окончил

не одно учебное заведение, начав с ремеслухи (перед самым началом вой- ны), продолжив школой по подготовке руководителей сельского хозяйства (в Саранске, после Великой Отечественной), и потом еще обзавелся экономическим образованием, да не где-нибудь, а в самой Москве. Отсюда и должности: сначала — заместитель председателя колхоза в родной Константиновке, а потом в селе Сумаруково, и многие годы затем — главный экономист совхоза «Красный Узел» в Ромодановском районе. Когда же ушел на пенсию — не погнушался и стадо пасти, тем паче, что к тому времени дороже цифр и отчетов стали для него лес, поле, луга и коровки, которых он считал едва ли не умнее людей.

Но это потом, а тогда, в молодости — высок, широкоплеч, красив. И народ, конечно, недоумевал: чего же он Райку-то в спутницы жизни выбрал? Росточку та Райка — от горшка два вершка, на личико так себе, а уж одета... цветастое летнее платье носит с осенними туфлями-утюгами. Утюги же в ту пору были чугунные, угольями из печки нагреваемые.

И вот теперь, наверное, самое время заглянуть в дочкину тетрадь..

ИЗ ТАНИНОЙ ТЕТРАДИ. Как же нам повезло родиться у таких родителей, как наши! Скажу больше: родиться у таких родителей, как наши — счастье.

Помню из детства: «Дочка, пошли в поле, отдохнуть хочу. Цветы давно не видела, вольным воздухом не дышала. Возьми с собой одеяло». Я что ж: мама сказала — не повторять. В поле мама ходит, цветы погладит, скажет: какая благодать, аж душу сводит. Я ей: «Мам, да ты ложись на одеяло-то, отдохни, я тебя караулить буду». — «А чего меня караулить. Ты, дочка, лучше песни попой, да потанцуй, а я на тебя погляжу». Я и рада: пою, танцую, рву цветы, венки плету...

Еще помню: дома у меня был закуток-тайник в бане — с книжками, с куклами из кукурузы. Заберусь в него — читаю, играю, мечтаю. Опять мамин голос: «Тань, ты здесь? Можно и я к тебе? Отдохну маленько...»

Кому-то может показаться, что мама только и делала, что отдыхала. Но я-то знала, что это не так. Нас у отца с матерью — как в той пословице: семеро. И потому коров у нас во дворе не одна, а две, а то и три. И встанет мама до света, чуть позже отца, чтобы их подоить, молоко через сепаратор пропустить, нас накормить. А мы — каждый со своим вкусом: один кашу любит, второму картошку подавай, а третий и вовсе с утра просит тушеную капусту с салом. И как она, такая хрупкая, росточком малая, все успевала? Наверное, потому, что очень нас любила. А еще потому, что все они с отцом делали вместе: и во дворе, и на лугу, и в огороде. Мы хоть и помогали, но основная-то нагрузка все равно на них. И все-то они делали молчком — если столько забот, когда тут ляды точить. А еще ведь и колхозная (у нас — совхозная) работа ждет. И вот что удивительно — когда отец с работы приходил, непременно приносил маме цветочек — то василек, то ромашку: «Это тебе, мать, приветик с поля». За стол без нее не садился. Придет на обед: а мать где? «Пап, да я тебе щи разогрела, а мама (она тогда работала кладовщицом) пошла на пилораму лес принимать. Велела мне тебя покормить». Отец у окна встанет, смотрит и ждет. А не дождавшись, уходит не евши. Мама приходит: «Поел?» — «Нет, не стал без тебя». — «Ну, грей щи опять, а я пойду за ним в контору». И вот приходят, сидят вдвоем, обедают; отец что-то говорит, а мама молчит, только головой согласно кивает — такая вот всегда была эта обеденная сцена. Отец ест и говорит, мама молчит, а то вдвоем начнут над чем-то

смеяться, а мы, дети, занимаемся своими делами в другой комнате и к ним не заходим. Почему? Так мама постановила. Наверное, понимала, что надо им хоть малое время побыть вдвоем, наедине друг с другом.

А теперь — без лишних слов — открываем другую тетрадь.

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Но когда отец, пообедав, вставал из-за стола, мы спрыгивали с печки и бежали к нему. Это были счастливые минуты! Чаще всех на коленях у отца первой оказывалась — она всегда и везде успевала быть первой — Татьяна. Чаще всех отец брал ее с собой на работу. Не знаю уж, что она там делала, только характер со временем у нее выработался командирский. И пока мы росли, ух и доставалось нам всем от сестренки! Помню такой случай. Братья наши — Володя и Миша — работать начали рано, с шестого класса. Летом — в мастерской, осенью — помощниками на тракторе, комбайне. Домой приходили грязные, в саже, в мазуте. Быстренько умывались — и за стол, обедать. На столе всегда кастрюля щей литров на десять, пироги (их всегда пекли так: кончились — и тут же новая партия в печку отправляется). Если мама на работе — кормит Таня. И вот сидим мы, едим. Татьяна — маминым голосом: «Ешьте не спеша. И перестаньте чмокать». А Миша пододвинул тарелку к себе поближе и ест как раз торопливо, на работу спешит. И что ж вы думаете? Татьяна смотрела-смотрела на него, потом взяла тарелку и — хлоп щип на его голову! И убежала, спряталась... Я ожидала, что достанется сестре от родителей, за такое и высечь бы не мешало, наверное. Но наши отец и мама никогда этого не делали. И на этот раз только долго о чем-то с ней говорили. Может быть, и сами братья попросили не наказывать сестру. Но если вы думаете, что они постоянно ей потакали — ой, нет! Скоро досталось и «командиру».

В этот день Володя и Миша мыли пол. Почему мальчишки, а не мы, сестры? Потому что они были старше нас и уже понимали, что дети в такой большой семье, как наша, родителям должны помогать. И вот моют братья пол, а Татьяна лежит на печке, со скуки колупает от стены штукатурку и бросает на пол. Володька (он у нас самый старший из детей) ей говорит: не балуй, не сори, видишь — пол еще сырой. А Таня своего развлечения оставлять не хочет. Я не знаю, как поступили бы на их месте другие братья, а наши сделали так. Володя подошел к Мише и говорит: «Ну что, пора сестренку учить мыть полы». — «Пора», — соглашается Миша. Сели они на диван, понимая, что силой Таню с печки не стащишь, дождались, пока она сама оттуда слезет. И вот тут уже крепенько схватили ее за руки, сунули в них тряпку и — в ведро ее, в ведро! А потом, также держа за руки (знали: отпусти — мигом убежит!), стали возить тряпкой по полу. Сестра, уже вся мокрая, силится понять, что это с ней делают, как смеют учить «командира»? А Володя спокойно так говорит: «С сегодняшнего дня тоже будешь мыть полы, поняла?» Что ответила Татьяна? Взяла полено и — бух брата по голове! И бегом к маме на заправку (мама тогда заправщицей работала... ой, кем она только не работала). Бежит сестра и ревет: поняла уже, что перешла границу, да и брата жалко...

И опять никто из родителей пальцем ее не тронул. Опять обошлись словами. Но однажды...

Да, сестра стала после «урока», учиненного братьями, мыть и полы, и посуду, но неумная ее натура не давала ей покоя. Не получилось командовать братьями — зато есть друзья. Сколоченная ею команда, напри-

мер, регулярно чистила местные сады и огороды; однажды огород оказался очищенным от всякой овощей и у нас. Стали допытываться у Татьяны, кто это сделал, она и отнекиваться не стала: «У всех побывали, а как же к себе не повести?»

Помню, придя с работы, отец часто спрашивал маму:

— Ну как, Татьяна ничего не натворила?

— Да вроде ничего, — успокаивала его мама.

Папка задумчиво молчал, а потом говорил:

— Так ведь и день-то еще не кончился.

И эти опасения были не напрасными.

Сейчас едешь летом по лугу и видишь большущие кругляши спрессованного с помощью техники сена, а во времена нашего детства сено складывалось в стога вручную, с помощью граблей и вил. И это был очень тяжелый труд, особенно если стог образовывался большой. Так вот, однажды на совхозном лугу был сложен как раз такой стог — громадный, под небо. И что же устроила наша «командирша», когда усталые взрослые разошлись по домам? Позвала своих друзей и подружек, и они устроили на стогу грандиозные игры: прыгали, как на батуте, скатывались с него, как с горки, в результате чего и разметали его вконец, до основания.

В тот вечер отец пришел домой строгий-престрогий. Мама стала, как обычно, хлопотать у стола, а отец: «Погоди, мать». И нам: «А ну-ка, слезайте с печки». Мама насторожилась: «Отец, что случилось?». А отец — дочери: «Таня, сейчас ты пойдешь, соберешь всех, кто был с тобой на сене. И чтобы все были с вилами и граблями». Таню как ветром сдуло — поняла, что на этот раз легко не отделается. Так же быстро она созвала своих друзей (уж они-то слушались ее беспрекословно). Когда собрались у нашего двора, отец велел привести Таниной команде своих родителей. И потом повел всех на луг — складывать сено. Причем работали — сначала и до конца — не взрослые, а те, кто разрушил стог своими играми.

С той поры стогов Татьяна не рушила.

Ну как, уважаемый читатель, — вам уже стало интересно? Интересно — не сомневаюсь. Потому что у всех нас свои дети. И все мы хотим, чтобы они выросли хорошими. И перед каждым родителем стоит вопрос: как этого добиться?

Как? А никак. Чем больше я читала тетради своих двоюродных сестер, тем больше убеждалась: единственное, что должны делать родители, пока их дети маленькие, — это жить с ними одной жизнью. И чтобы все — и труд, и отдых — были у них вместе. И тут опять надо открывать Тонину тетрадь.

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Сена нашим коровкам на зиму требовалось много, и мы старались, заготавливали его всей семьей. Отец скажет: «Сегодня косить сено». И мы все, не исключая Сережки, берем в руки косы. Почему «не исключая Сережки»? Сережа наш родился с диагнозом ДЦП. Пока был маленький, ползал, это было не очень заметно. А когда встал на ножки... Идет-идет — упал. Коленки всегда в ссадинах и разбиты. Но мы не сразу поняли, что он у нас, как теперь говорят, «особенный». Потому что он всегда делал все, что и мы. В том числе и на сенокосе. На лугу выстраивались, как велел отец — по старшинству: Володя, Миша, Сергей, Татьяна, Антонина и самые младшие — Николай и Евгений. Не

ставили в строй только маму: она приносила нам в поле хлеб, молоко и воду. Ох и счастливое было время! Косим, шутим, смеемся — и усталости не чувствуем. А устали — упали на траву, отдыхаем. Небушко высоко, мама с отцом рядом (они всегда были с нами рядом!), от травы медом пахнет — разве это не счастье?!

Картошки мы тоже всегда сажали много — на нашу-то большую семью. И работали, опять же, всей семьей: вместе сажали, вместе мотыжили, вместе копали. Одну уборку помню особенно хорошо. Чем запомнилась? Пятьдесят соток — это немало даже для большой семьи. Но наша неунывающая и неутомимая Татьяна что придумала: стала рассказывать нам разные истории, причем одна история оказывалась интересней другой. Вот ведро полнехонько, надо нести высыпать картошку в кучу, а я не могу отойти от сестры: интересно, что дальше в ее рассказе будет? Не только я — все так и ходили целый день за ней по пятам, а она все говорила и говорила. И вдруг замолчала. Мама: «Таня, чем же все закончилось? Нам хочется знать конец». Мы остановились в работе (тем более что и работы уже почти не оставалось), все смотрим на нее, а она: «Мам, я конец еще не придумала». — «Так ты что — сама все сочинила?» Мама с отцом принялись дружно, как это частенько у них бывало, смеяться, а нам, детям, вся эта история показалась обидной. «Врушка, врушка!» — закричали мы на сестру и погнались за ней. Да где же было догнать нашу Татьяну, если она семь километров могла колесом пройти, перекатываясь с рук на ноги! Мы, дураки, обиделись, а отец сказал: «Как вы не понимаете, это не вранье, у Тани — талант сочинителя».

Сейчас понимаю, и вы со временем в этом убедитесь тоже — талантов у нашей Тани, как и разного рода проделок, было много. Пусть про одну из них она расскажет сама. Тем более что это поможет нам поближе познакомиться с третьим братом сестер — Сергеем.

ИЗ ТАНИНОЙ ТЕТРАДИ. Ранняя весна. Мы, дети, все на пруду — катаемся на льдинах. Опасно, конечно, но кто тогда об этом думал? Тем более что мы с Тоней — ах, ах! — в новых шубах. Нам купили их на вырост — мол, к следующей зиме как раз будут, да разве хочется ждать будущей зимы?! И вот натешились, накатались, старшие братья домой ушли, а мы с сестрой и Сережей все еще развлекаемся. Причем Сережа с Тоней стоят на берегу, а я плаваю на льдине. И мне не страшно, мне весело! Но вдруг льдина наклонилась, и я... оказалась в воде. Намокшая шуба потянула ко дну. Я бы, конечно, утонула, если бы не Сергей: брат как прыгнет в воду — и ко мне, схватил меня за ворот и — к берегу. Вот на берегу-то мне и стало страшно: как же так, я и сама плавать умею, и вдруг чуть не утонула — шуба стала такой тяжелой, что куда уж тут плыть. И если бы не Сережа — меня бы уже и в живых не было.

Домой пришли — шубу повесила на забор, сама на печь, отогреваюсь и реву: что родители скажут? Сережка рядом. «Чего сейчас-то плакать? Радуйся, что живая».

И вот вернулся с работы отец.

— Что за одежда на заборе висит?

— Да вот Танька чуть не утонула.

— А чего ревешь? — это уже ко мне.

— Да шубу-то теперь выкидывать придется.

— Бог с ней, с шубой. В фуфайке походишь.

Заходит мама.

— Отец, что за пальто на заборе висит?

— Да вот дочь чуть не утонула.

— А зачем ты шубу-то надела, Тань? Красивой хотела быть?

С минутку мама осваивается с ситуацией, потом говорит:

— Да Бог с ней, с шубой — пальтишко разогнем, в нем и будешь ходить.

И ходила я еще три зимы в старом пальто.

Ну, и как вам все это, дорогие читатели? Что Сережа оказался молодец и героем — это само собой. А вот как мы-то, нынешние родители, поступили бы в такой ситуации? Думаю, так: от души отругали бы дитя, а то и отшлепали для закрепления «науки», а потом... снова купили бы шубу. И даже нашли бы в этом себе утешение и оправдание: жалко дитя-тю, да и как оно будет выглядеть в стареньком среди друзей и подруг? Нельзя же, чтобы хуже. А что этого дитя-тю ждет в жизни потом, научится ли оно беречь одежду-обувку и все другое, без чего в домашнем обиходе не обойтись, узнает ли цену копейке, которая, как известно, рубль бережет — думать об этом большинству из нас и в голову бы не пришло.

А мудрые воспитатели как раз об этом прежде всего и думают. Вот слова одного из них, странные, на наш современный взгляд, слова — их произнес Василий Васильевич Розанов, русский (еще дореволюционный) философ, публицист, писатель и педагог. Давайте прочитаем их не спеша: «Нужда и бодрый труд... вот лучшая атмосфера для воспитания».

Нужда? Да мы только и делаем, что стараемся избавиться от нее наших любимых чад. Нам кажется, что именно так и должна проявляться наша любовь к ним: «Сами жили в нужде, так пусть хоть они...» Бодрый труд? «Не для того мы их рожали, чтобы они так же, как мы, горбатились...»

Папа Миша и мама Рая педвузов не кончали, трудов Розанова, скорее всего, не читали (хотя вообще-то относились к книге с почтением, о чем речь еще пойдет), а вот, поди ж ты — поступили аккуратно по совету мудрого человека.

Не потому ли, что у них самих в свое время в воспитателях были нужда и труд?..

ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ

И не только нужда и труд воспитывали — хотя и их было достаточно: у матери дяди Миши тоже было семеро детей. Причем растила она их одна, без мужа — тот не захотел вступать в колхоз, проживал на стороне и дома практически не появлялся.

В те далекие теперь предвоенные, а потом и военные годы нелегкой проблемой было само проживание, пребывание на белом свете.

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Еще до войны отец начал учиться в ФЗО, а когда война началась, ребят направили на один из уральских заводов лить стволы для танков. Кормили работничков плохо, и сил у них хватало только на то, чтобы отлить один ствол в день. А отец уже тогда, в ранней юности, ростом был под два метра — что ему миска жиденьких, почти прозрачных щей да тарелка перловки? Работа-то тяжелая. От постоянного голода у него стали трястись руки, ослабли ноги. Да разве у него одного? Начальство и само понимало, что люди недоедают и многого от

них ждать не приходится. А сверху требуют как раз много. Оно и понятно: идет война... Выход из ситуации нашелся такой: однажды приходит бригадир и говорит: «Ребята, буду выдавать вам по две пачки махорки в день, на базаре ее можно обменять на еду». Все сразу повеселели, когда к скудному рациону добавились хлеб, молоко, яйца. И дело пошло. Рабочие построили еще несколько печей для литья стволов и стали изготавливать их сначала по три, а потом и по пять штук в день. Бригадир тоже повеселел: «Ребята, буду выдавать вам по три пачки махорки, но норма будет восемь стволов». Стали лить и по восемь, но... махорка в конце концов закончилась. Махорка закончилась, а норма осталась прежней — 8 стволов в день. Люди опять стали голодать. Опять дрожат ноги, трясутся руки. Дошло до того, что однажды утром у отца не хватило сил встать. И он понял: надо бежать домой, на материну картошку. Иначе — смерть...

Когда отец рассказывал нам об этом, он плакал — у него были такие крупные слезы, а рядом плакала мать.

А время-то было военное, у него законы суровые. В общем, отца задержали, и полтора года он провел в тюрьме. Выпустили его, когда стало понятно, что долго парень не протянет. И парень, едва живой, сел наконец в поезд, и вид у пассажира был такой, что кто-то не выдерживал, давал ему половину картошечки или полкусочка яблочка. Так он и доехал до своей станции. А от станции надо еще как-то дойти семь километров до Константиновки, до дома...

Силы закончились, когда отец добрался до своего усада. Тут и упал в картошку, потеряв сознание. Сколько так пролежал — не помнит. На счастье, вышла в огород одна из сестер, видит — валяется среди картофельных кустов парень: худой — кожа да кости, заросший диким волосом, рвет морковь и ест ее немытую, прямо с землей. Не узнав брата, побежала домой: «Мам, там на нашем усаде какой-то мужик лежит — такой уж страшный!» Мать Федора — на огород, и вот уже бежит назад: «Да это Мишка наш, Мишка!» На ноги сын встать не мог; собрала бабушка Федора людей, принесли Мишку домой. Вымыли, потихоньку стали кормить из ложки — сам он ложку держать не мог, даже на это сил не хватало. Несколько ложек козьего молока, половиночка сырого яичка... Мать рядом плакала да молилась.

На ноги отец встал только через месяц.

Кто-то, возможно, скажет: а-а, так он убежал с трудового фронта, ваш дядя Миша! А где же его патриотизм? Где желание отдать все силы...

А вы не заметили, уважаемый читатель, что эти силы как раз и закончились? Лично я осуждать дядю Мишу не собираюсь. Не хочу. Я вместе с ним плачу...

Что — было бы лучше, если бы он умер от голода? А он не только не умер, но потом еще три года воевал на фронтах Великой Отечественной. Как и многие участники той войны, он не любил вспоминать и рассказывать о том страшном времени. Вот почему сведения о боевом пути отца дети найдут много позже, воспользовавшись сайтом в интернете «Подвиг во имя Победы». Там есть такие строки: «Михаил Еремеевич Рыжов находился на фронтах ВОВ с 1942 года; 1942–1945 гг. — командир орудия дивизии бронепоездов 3-го Украинского фронта; 1945–1947 гг. — командир орудия дивизии бронепоездов г. Брянска». Воевал наш дядя Миша в звании сержанта и является кавалером целого ряда боевых наград; после войны к ним прибавились еще награды юбилейные. Носить такой груз на

пиджаке в дни празднования Великой Победы с каждым годом становилось все тяжелее, вот почему дядя Миша обзавелся орденской планкой: прикрепил к пиджачку — и никаких тебе проблем.

А тогда, сразу после войны, фронтовик вернулся, конечно, на родину, в родное село Константиновку. Два года проработал в колхозе на должности «бери больше, кидай дальше». И тогда же решил: надо учиться! Не потому, что презирал лопату и вилы как средства труда, тем более что теперь они были ему под силу, а потому, что хотел как можно больше сделать для достижения вот этой цели: чтобы никто никогда больше не голодал! Наверно, поэтому он и выбрал в школе для руководителей сельского хозяйства профессию агронома, а потом еще выучился на зоотехника, а потом еще и на экономиста. Вот послужной список нашего дяди Миши: 1952–1953 гг. — заместитель председателя колхоза «Заветы Ильича» (с. Константиновка); 1953–1957 гг. — председатель колхоза «Парижская коммуна» (с. Сумаруково); с 1957 года до конца девяностых — житель совхоза «Красный Узел», занимающий ответственные и хлопотные должности бригадира ОТФ, зоотехника-селекционера, главного зоотехника хозяйства, управляющего центральным отделением, а затем — главного плановика-экономиста совхоза.

Почти полвека напряженного труда в одной из самых сложных отраслей народного хозяйства — ради этого стоило остаться в живых?!

КАК ДЮЙМОВЧКА ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ВЕЛИКАНА

И все-таки один раз в доме у дяди Миши и тети Раи я была! Он сам пригласил: приезжай к нам в гости (семья жила уже в «Красном Узле»).

Я приехала — а он ушел на работу. И принимала гостью супруга. Тетя Рая кормила меня щами и пирогами, разбирала почту (на тот момент она работала почтальонкой) и попутно рассказывала, как они с дядей Мишей познакомились. Произошло это в Саранске, куда они как раз и приехали учиться в школу для руководителей колхозов.

— Миша приехал из Константиновки, я из Судосева. Время послевоенное, бедность. У меня, помню, была чернильница с чернилами и не было ручки, а у него как раз ручка была. Вот они-то нас и объединили, сначала для учебы, а потом, как оказалось, и для жизни. Без разрешения родителей раньше семьи не создавались. Повезла я будущего мужа домой, в родное Суседово, познакомить с отцом и матерью. Отец как увидел его — так и в панику. Миша — ростом под потолок, а я в него, в родителя, пошла, а он у нас росту был невеликого. Вот и растерялся: «Раечка, да как же ты с ним жить будешь? Да он... да ты...»

Жених решил прибегнуть к веками испробованному средству: вынул из кармана поллитровку беленькой со словами:

— Отец, а может, мы сначала... по стопочке?

Папа перевел дух:

— Вот с этого и надо было начинать.

По мере того, как поллитровка освобождалась, а беседа продолжалась, понимания между собеседниками становилось все больше и больше. Наконец, папка сказал:

— Бери, Михаил! Отдаю! Больше в тебе не сомневаюсь.

Да и в райкоме, видно, тоже ни в чем не сомневались: сразу после учебы мужу стали доверять руководящие должности. А я за должность-

ми не гналась. Потому что пошла ребятишки, и мы с мужем дружно решили, что работа меня не должна сильно отвлекать от семьи. И вот детишек уже полон дом, а муж не только работает, но и знай себе учится. Уедет на сессию, время вернуться, а его все нет и нет. Наконец дома. «Ты что так долго?» — «Рай, да пока всем написал отчеты да рефераты...» Он всегда учился лучше всех, а у кого-то так не получалось. Ну и пристают к нему: Миш, помоги. Он и рад стараться.

А потом тетя Рая повела меня во двор, и я удивилась, увидев такое количество живности во дворе; коровы паслись в стаде, но и без них здесь всего хватало: телята, овцы, куры-гуси... Признаюсь честно: мне это изобилие показалось избыточным. Я в те годы заканчивала школу, писала стихи, и все мои мысли были устремлены в заоблачные выси, подальше от земных забот. Многодетная семья — мне и в голову не приходило задуматься о том, как и за счет чего здесь едят, пьют, одеваются-обуваются. Вполне серьезно я обдумывала вопрос: военное поколение — да, оно обязано было во всем ограничивать себя; но мы-то, родившиеся и выросшие после войны — имеем право жить более свободно, а еще лучше — так, как захотим? Вот если я хочу писать — то имею право работать за письменным столом, а не на колхозном дворе и в поле?

Теперь вы понимаете, почему я смотрела на тети Раиных овец, кур и гусей без симпатии и одобрения?

Думаю, понимаете и то, что слово свое дядя Миша сдержал: и образованием обзавелся, и сделал так, что никто и никогда рядом с ним не голодал. И как-то само собой получилось так, что подростки его дети к учебе тоже тянулись. Впрочем, я, наверное, поспешила, употребив выражение «само собой». Потому что было — как всегда в жизни: по-всякому...

ПРЕИМУЩЕСТВА МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ

ИЗ ТАНИНОЙ ТЕТРАДИ.

— ...Мам, они задачу мне не решают.

Ну кому я еще пожалуюсь, как не маме? Она тут же просит старшего брата:

— Володь, да реши ты ей задачу.

Мои старшие братья учатся на сплошные пятерки. Ну что стоит им мне, младшей, решить легкую для них задачу? Однако Володя упрямо отвечает:

— Не буду. Сколько можно за нее решать? Пора самой начинать учиться.

Мама — к Мише:

— Миш, ну а ты?

— И я не буду. Володя прав.

— Сергей, ну хоть ты тогда...

В ответ — короткое «нет». Полная солидарность со старшими братьями. Но разве я могу обижаться на Сережку, который мне жизнь спас?

Пока мы дебатировали — в коридоре уже слышны шаги отца. Сейчас переоденется, управит скотину, и начнется проверка уроков — по старшинству. У Володи и Миши, как всегда, все в порядке, им разрешено смотреть телевизор. Сережа... «Да что ты дневник мне суешь? И так знаю, что у тебя там одни пятерки». — «Нет, пап, ты посмотри. Там запись для тебя от учительницы по математике».

Отец читает с недоумением.

— Да, брат, дела... Зачем ты задачу в пяти вариантах решил?

— Но ведь ты сам говорил, что решать задачи можно по-разному.

Тут вмешивается мама (она это делает в самые критические моменты, когда надо срочно найти выход из сложной ситуации).

— Отец, разве не ты притащил домой целую библиотеку? Девчонки романы да стихи читают, а он разыскал учебники по высшей математике и задачи решает так, как никто из учителей и не сообразит. И в школу тебя вызывают, чтобы ты сына приструнил.

Отец в замешательстве. Да, он забрал домой библиотеку из «Парижской коммуны», когда ее решили «сократить», но ведь он не думал, что дело обернется таким вот неожиданным образом. Ладно, с этим разберемся потом, сейчас — уроки. К телевизору разрешается идти и Тоне, доходит очередь до меня.

— Тань, а ты чего приуныла?

— Да они мне задачу сегодня не решают.

— А что — всегда решали?

— Да. А сегодня бастуют.

— А что же ты сама?

— Не умею.

— А как же было до сих пор?

— Да всегда они решали. А в школе я у Тони списывала.

Отец в ступоре. На помощь, как всегда, приходит мама:

— Ну и что тут такого? Мне вот тоже задачи никогда не давались. Ты же помнишь: ты своей ручкой конспекты по математике писал, а я — по литературе. А если ты умеешь решать, так и научи ее.

Все кончается тем, что нас с братом Николаем (у него тоже в этот день что-то не ладилось) отправляют в заднюю комнату на «доучку». Николая отец тоже вскоре отпускает к телику, а потом целых три часа бьется со мной. Толку — ноль. Спать охота...

Тут в комнату опять заглядывает мама:

— Отец, ну не дано нам решать эти задачи — ни ей, ни мне. Что же теперь — не спать? Иди, дочка, на печку.

На печку я взлетаю турманом и слышу, как отец говорит:

— Вот если бы Сергей научил ее играть в шашки и шахматы — она бы и математику поняла.

Я — с печи:

— Не может такого быть!

— А ты проверь!

Эх, знал бы дядя Миша, что будет дальше...

Уже на другой день Татьяна не могла дожждаться, когда кончатся уроки и брат начнет учить играть ее в шашки. Поначалу дело шло туго, но вскоре Таня уже обыгрывала не только братьев, но и всех одноклассников. Дошло до того, что стала играть на равных с Сергеем — покорителем высшей математики. А однажды вечером...

Однажды вечером заявила:

— Ну что — садимся на большую игру? Володя, прошу к барьеру!

Все хохочут, а она — бац, выиграла партию у старшего брата. А потом и у Миши — тоже. Мало того, самому учителю по шашкам — Сергею — пришлось признать свое поражение. Сестру и двух младших братьев — Николая и Женю — обыграла «одной левой». Тут и пришел с работы отец.

— Пап, Танька тут всех нас мочит. Теперь вся надежда на тебя.

И если до сей поры в доме звучал гогот и смех, то когда Татьяна села играть с отцом, стало слышно, как муха где-то под потолком летает.

— Ага, притихли! — ликует покорительница шашек. Все опять загомонили: что-то небывалое творится — дочь вот-вот обыграет отца. В замешательстве и сам глава семьи: оказаться в проигрыше — это же удар по родительскому авторитету! Тихонько просит дочку: «Тань, поддайся, а то как-то не так получается...» — «Нет», — решительно рубит дочь. И смотрит на маму — что та подскажет? «Дочь, поддержи отцову репутацию», — ловит ее тихий шепот. И только после этого Таня сдает шашку отцу. Сергей недоумеваает: как же так — буквально два хода назад у сестры практически уже была победа?!

Закончив игру, Таня встала. Пошла в сени. Следом вышел отец. Вытирая брызнувшие из глаз слезы, дочь попросила: «Пап, не садись больше играть со мной. Ладно? Я проигрывать не хочу и не умею».

Как видим, шашками, а затем и шахматами Татьяна овладела в совершенстве. Но... математика подружкой ей так и не стала. Пожалуй, в первый раз отцова придумка не дала нужного результата (да и репутация при этом едва не пострадала...) Но есть у многодетной семьи большое преимущество перед семьей малочисленной: дети здесь воспитывают сами себя и друг друга тоже. Вы уже знаете, как братья учили Таню мыть пол. Вот и теперь старший брат Володя не давал сестре покоя, постоянно попрекая ее: неуч, семью позоришь...

Сами братья — и Володя, и Миша, и Сергей — уже учились в университете, Тоня — в Казанском институте на ветврача, а Таня...

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Таня приняла решение выучиться на агронома — заочно.

— А вступительные экзамены за меня будешь сдавать ты, — заявила она мне.

Я — в панику: да как же это возможно?! И получаю инструкцию:

— Мы с тобой похожи? Похожи. К тому же здесь нас никто не знает. Вон группа — заходи и сдавай.

Я по жизни трус: иду, трясусь, но попробуй не послушай нашу Таню.

Слава Богу — все у нас получилось. Самое главное — училась потом Таня очень хорошо. Может, потому, что ей хотелось доказать старшему брату, что она тоже может работать мозгами. Конечно, и тут без приключений не обходилось: однажды Таня опоздала на экзамен. Председатель экзаменационной комиссии вспылил: «Это что за отношение к учебе? С какими знаниями вы потом поедете работать в село?» — «С какими? — переспросила наша Таня. — А вы дайте мне билет». Билет Тане дали, и она без подготовки ответила на него. А потом уже сама взяла еще один и еще... и опять отвечала без подготовки! Кончилось все тем, что нашей студентке экстерном выставили отличные отметки по растениеводству за три курса вперед! Когда же она наконец получила диплом о высшем образовании, мы по этому поводу устроили дома, как говорят теперь, вечеринку. И тут наша строптивая командирша услышала от брата: «Молодец, Татьяна, теперь мне за тебя не стыдно. Теперь я тобой горжусь!»

А уж как наша сестренка взялась работать! Распределение она получила на сортоиспытательный участок в Ромодановском плодпитомнике. Свекла, ячмень, пшеница, вика, соя — семена всех этих культур надо было районировать, проще говоря — приспособивать к произрастанию

в нашей местности. Наблюдение за каждым таким подопытным семечком — большая работа, уход — что за малым дитем: вовремя напои, накорми, содержи в чистоте (от сорняков), следи за ростом... И поскольку отчеты об этой кропотливой работе — для Москвы! — поручено было писать молодому агроному Татьяне Михайловне, то и ушла она в эту работу с головой. Да так, что некоторым другим головам при этом не поздоровилось. О чем речь?

Приезжает однажды утром Таня на делянку и видит такую картину: пьяный тракторист на дизельном тракторе колесит по молоденьким, едва зазеленевшим всходам. У агрономши от такого разгильдяйства аж дух занялся. Что сделала наша Таня? Угадайте с трех раз. Да нет, не ошибетесь уже с первого: остановила трактор, вытащила тракториста из кабины и ну лупить его своими крепенькими кулачками по морде, по башке — да куда получалось! «Ты что — одурел, скотина?!» Может, не больно ласковые слова она употребляла, но понять ее можно: на участке было сорок делянок, на каждой свой сорт зерновых высажены, и каждый из них всходит в свои сроки. И как их теперь определить, эти сроки? В общем, когда тракторист пришел в себя, они с Таней пересевали участок вместе. А потом агрономша уже в одиночку снова наблюдала и фиксировала, как прорастали, набирали силу и проявляли свои качества эти многострадальные семена.

Кончилось все тем, что за выполненную работу Таня получила медаль «За лучшее внедрение сорта ячменя в республике Мордовия». И в придачу — дом, построенный в питомнике за государственный счет с разрешения Москвы. Медаль в домашнем кругу обмывали по-фронтовому: Таня опустила ее в стакан с вином и преподнесла старшему брату, от которого в свое время ей доставалось много упреков. А на этот раз услышала от Володи такие слова: «Сестренка, я тобой не просто горжусь — я тобой восхищаюсь! Прости за прошлые слова...»

ТАНЯ И ЛЮБОВЬ

Прощай, детство. Да и юность — прощай. У наших героев, как видим, началась взрослая жизнь. Мы еще не раз вернемся туда — и в детство, и в юность, а сейчас надо вести повествование дальше. У старших братьев уже свои семьи, и Володя, и Михаил работают руководителями сельских хозяйств. А девчонки переживают первую любовь.

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Сестра разбудила меня в четыре утра. Говорит: «Тонь, я сегодня в первый раз с парнем поцеловалась». Спросонья ничего не могу понять, только утром спрашиваю: «Как это — целоваться?» И слышу: «Это рассказать невозможно. Сходи на индийское кино и поймешь». В то время в клубе часто показывали индийское кино, смотреть его ходило все село. Смотрели на экран с замиранием сердца: вот где красота, чувства, настоящая любовь...

Свою индийскую любовь выдумала себе и Татьяна. Она очень сильно полюбила Лешку (фамилию называть не буду). Два года они дружили, а потом еще два она ждала его из армии. Ох и наплакалась тогда мама. Ей-то было понятно, что любовь была только с одной стороны — Таниной. «Танечка, на коленях тебя прошу — не ходи за него». Но вы же знаете характер Тани: «Не будет свадьбы — так уйду к нему». Сыграли свадьбу...

И вот пришла я однажды к ней в гости — уже замужней, уже дочка бегаёт бегом. Сидим, чай пьем, разговариваем. И вдруг: «Ой, трактор гудит, Лешка едет». Она торопится разогреть щи, дочка несет на стол хлеб. Заходит хозяин. Сестра поливает ему на руки воду, чтобы умылся, подаёт полотенце, чтобы утерся. «Садись, Леш, ешь...» Смотрю, слушаю — и не верю: куда девался наш «командир»? Тут только одни подчиненные. Все, кроме хозяина. Я, как гостья, слышу его недовольное: «Что — дел дома нету, по людям ходишь?» Поел, полежал на диване, уехал. Таня, видя мое настроение, грустно роняет: «Муж есть муж... семья». Да какая там семья, если он не каждый день дома ночует?..

А потом муженек и вовсе ушел к другой. Как сестренка плакала, как страдала! За неделю высохла, как былиночка. Просит меня: «Пошли, ходим к нему». — «Да ведь мы уж ходили». — «В последний раз...»

Подходим к дому. Выходит на крыльцо Лешка. Таня: «Леш, пойдем домой. У нас ведь дочка. Да и я... люблю тебя!» Знаете, что он сделал? Крыльцо было высокое, он на верхней ступеньке стоит, Таня — внизу. И он как толкнет ее ногой в грудь! Татьяна упала. А сверху — голос: «Я полюбил другую женщину, а тебя никогда не любил и не полюблю». Таня медленно встала, стряхнула пыль с разбитых коленок. И тихо так, словно самой себе, говорит: «Ну все. Теперь все. Больше ты в наш дом не войдешь». И пошли мы назад. Шли молча, без слез. А дома Таня скинула матрац с кровати на пол, легла на него и сказала всего три слова: «Как я устала».

На полу она пролежала восемь дней. Не двигалась, не ела, не пила. Вот тебе и индийское кино. Это уж, наверно, любовь по-русски.

Через восемь дней сестра встала и произнесла: «Все, иду на работу».

Работа ее и спасла. Как раз тогда она и выводила районированный сорт ячменя, писала отчеты о проделанной работе в Москву. А супруг через какое-то время осознал, чего он лишился: жена по уши была в работе, но все его команды в доме выполнялись беспрекословно, все подавалось ему на блюдечке с голубой каемочкой. Захотел вернуться, но сестра решения не поменяла: «Я же сказала: порога моего дома больше не переступишь».

Вот такая она твердая характером, наша Таня: как решила, так и будет. Даже не верится, что когда-то братья учили ее мыть полы в доме. Теперь она выстраивала нас в поход за чистотой! Один случай не забуду никогда. Сестра сообщила, что едет навестить нас. Нас — это меня, сына Максима и брата Сергея: он тогда жил в моем доме. Ну, а мы уже знали: если сестра едет — в доме должен быть порядок. А у нас... В комнате у Сергея повсюду книги, тетради (в них он, между прочим, и стихи собственного сочинения писал), да еще собачку завели. У Максима, прямо сказать, бардачок. Про меня и говорить нечего: газеты, журналы, книжки — и на столе, и на полу. Больше на полу, конечно. Я говорила про это: люблю, чтобы все было под рукой. А Таня называла это: чтобы валялось, где попало. И вот вижу в окно: сестра идет. Сергей: приехала! Сергей к себе — кровать заправить, на столе прибраться; Максим, смотрю, все в кучу побросал и одеялом накрыл. Я — на кухню... И вот заходит Таня:

— Так, у вас опять бардак.

Хочет пройти к Максиму — а он в дверях встал, не пускает. Потом прошла к Сергею: «Ничего, ничего, только пыль надо протереть». Сергей на коляске (он к тому времени уже не ходил) — сразу за тряпку. Пошла в мою комнату... «Сестра, когда начнешь убирать?» Гляжу — а глаза у

нашей «грязь» смеются! И вот уже все вместе садимся обедать, разговариваем, смеемся... Хорошо!

Сейчас я про сестру могу сказать так: она моя защитница, моя спасительница, моя палочка-выручалочка во всех ситуациях. А еще артистка. Да вот хоть этот случай взять: решили мы с ней сходить на кладбище, а по дороге (жили уже в Ромоданове) заглянули в пенсионный фонд, насчет пенсии мне узнать. Заходим в помещение, настроение у нас хорошее, разговариваем о чем-то. И вдруг Таня захромала, рукой за стену держится. Народу много, охранник понял, что надо человеку помочь: «Дайте инвалиду пройти...» Ведет ее в нужный кабинет. У меня слезы на глазах: что же случилось с сестрой?! А она уже дверь из кабинета открывает: «Заходи». Захожу, дрожащим голосом излагаю свою просьбу. «Вам надо в соседний кабинет». Идем и туда. Пять минут — и все проблемы решены. Выходим в коридор, Татьяна мне шепчет: «Сопли вытри, возьми себя в руки». В коридоре бабушки сидят, человек тридцать. Сестра достает пакет и всем раздает конфеты: «Простите нас. Сегодня родители, нам надо еще на кладбище успеть. Пожалуйста, простите». Бабушки и давай хохотать! «Бог тебе судья, дочка, как у тебя здорово все получилось!» Охранник рот было разинул, а она и ему на стол конфет насыпала. И — никто не в обиде, все угощаются конфетами и наших родных поминают.

А что она учинила однажды в еще более серьезном учреждении! Отец как участник войны должен был получить от государства машину. Собрали мы все необходимые документы, и отправились Таня с отцом в кабинет, где комиссия по распределению машин заседала. Предъявили документы, все оказалось в порядке. И тут прозвучало: «Ну а денежки-то вы принесли?» — «Какие денежки?» — «А разве не надо нас отблагодарить?..» Таня и дослушивать не стала: выскочила в коридор, просунула в ручки дверей кабинета ножку от стула и — бегом в прокуратуру. Через полчаса члены комиссии уже приносили отцу свои извинения.

Нет, недаром наш папка любил Таню больше всех своих детей! Всех любил, но ее все-таки больше. Говорю это без ревности, потому что она этого заслуживала. Про сестру можно рассказывать бесконечно...

Что ж, согласимся с Тоней, но... не слишком ли мы увлеклись женской частью дяди-Мишиной семьи? Не пора ли вспомнить о мужчинах? И прежде всего — о старшем из сыновей, Владимире Михайловиче Рыжове.

Вот с кем из детей дяди Миши мне все-таки повезло повидаться до того, как в мои руки попали тетради сестер, так это с ним, с Володей. В первый раз — в Голицино, в Подмосковье: здесь в одной из военных частей двоюродный брат проходил срочную службу, а я как раз училась в Москве. Вот его родители и написали мне письмо, попросили навестить скучающего по родному дому сыночка. Я накупила, сколько позволяла студенческая стипендия, гостинцев и поехала. На проходную из казармы вышел среднего роста, крепенький такой парнишка в военной форме. Узнаю в нем тети-Раины черты. «Володь, ты?» — «Наташ, ты?» Вот и встретились. И пообщались.

А второй раз я поехала в гости к нему уже женатому и имеющему взрослых детей. Вся жизнь проработав председателем колхозов в Ромодановском районе, теперь мой брат был не у дел, занимался домашним хозяйством. И хозяйство это было, как когда-то у родителей, немаленькое. Я гостила у родителей, и к Володе мы поехали, чтобы прикупить хорошего мяса. То, что выращивается сейчас в наших новомодных жи-

вотпуповедческих комплексах, — не мясо, а натуральное мыло. А вот когда мы дома стали варить оковалочек привезенного от Володи поросенка, по дому поплыл такой дух и аромат, что наш собственный дух замирал от наслаждения.

И все-таки главным моим воспоминанием стало не это. А то, как гостеприимно встретили нас в доме брата, как заботливо и быстро накрыла стол жена Люба, какими вкусными оказались на том столе закуски и наливочки домашнего приготовления. А какие хорошие разговоры были у нас! Про жизнь, про наши нечастые встречи, про удивительное чувство родства, которое не дает нам друг друга забыть и греет душу даже на расстоянии. Ну и, конечно, про то, почему Володя, Владимир Михайлович, в свои далеко еще не старые годы оказался вдруг на пенсии...

Что ж удивительного в том, что после того визита к родственникам я написала про них рассказ? Не ко всем своим писаниям отношусь с одинаковым чувством, но этот рассказ люблю до сих пор. Может быть, полюбите его и вы, дорогой читатель? Сдается мне, что будет вполне уместно и даже необходимо привести его здесь и сейчас — художественное слово (если оно, конечно, художественное, на что я очень надеюсь) способно короче и яснее сказать о том, что даже не сказано, а только подумано. И так...

ЛЮБА, РАВНАЯ ВСЕЛЕННОЙ

Так жизнь и идет: встань в четыре, убери за скотиной, накорми, напои, подои. Съезди на базар, продай мясо. Грядки для нее — после всего этого — уже почти что не работа, а удовольствие. Дышишь свежестью зелени, видишь, как лучок да морковка из земли лезут-стараются. Правда, к этому времени, ко второй половине дня, начинают болеть ноги. И если начинает прополку Люба, как все бабы — кормой кверху, то продолжает так: становится прямо на колени да и продвигается вперед, с корнем вырывая осот, лебеду, молочай. А когда и на коленях становится неспособна — бросает на землю старенькую безрукавку да и падает на землю между грядком, лицом вверх, чтобы передохнуть. Глядит на застывшие в знойном мареве облака, каждый раз удивляясь тому, как быстро они меняют свои очертания. Вот только над тобой было гигантское лицо молодого мужчины, но за какие-то немногие минуты оно успело постареть, а потом и вовсе распалось. Зато на его месте возникло чудное видение — женская головка в шляпке. В шляпке, которые Люба сроду не носила. Тем интересней: шляпка, оказывается, женщину здорово украшает. Но вот и шляпка стала вытягиваться, утончаться, менять очертания... Господи, уж не Царевна ли Лебедь теперь по небу плывет?

Хорошо... Хорошо в такую вот минутку, когда никуда не надо торопиться. Лежи себе, думай про все сразу.

Вспомни, например, свою свадьбу. Да что свадьбу, свадьба — дело обычное, заранее во всех своих главных моментах распланированное. А вот до свадьбы...

Жила Люба в своей Рожновке и ни о каких романтических (так теперь молодежь говорит) встречах думать не думала — некогда было. Отец пил, сестренки и братишки младше ее — кто матери помочь будет? Она, Люба. Она и помогала — и по дому, и со скотиной. Походы в райцентр за покупками были для нее как сейчас прополка — одно удовольствие. Иди

да гляди вокруг, сорви попутно полевой цветочек, удивись его невычурной, но греющей душу красотой...

Вот так шла она однажды и шла; пять километров — не расстояние, но уж больно сумка тяжелой на этот раз оказалась. И потому она обрадовалась, когда рядом остановилась машина. «Садись, подвезу», — говорит водитель. Она и села, чего не сесть? Шофер оказался молодой, но все же ее постарше и такой... такой... Как артист Джигарханян в молодости: роста невысокого, кости некрупной, а мужского обаяния — через край. И глаза — умные и смешливые сразу. Спрашивает: «Как зовут?» — «Ну, Люба». — «А я Вовка». Люба засмеялась: поняла уже, что не водитель он этой машины, а, наоборот, из тех, кого возят. Ради баловства за руль сел, или настоящий шофер заболел.

Так потом и оказалось: председатель соседнего колхоза он — Вовка, Владимир Константинович...

В общем, пока ехали, Люба голову потеряла. И так-то в ней было не больно много, в ее голове, а тут совсем опустела. Одни только глаза его да голос — такой уж приятный, смешинками начиненный...

Про остальное она от самого мужа знает. Когда Вовка убедился, что обид держать она не умеет (все обиды входят в нее, как нож в воду: вынул — и вода снова сомкнулась и уже не помнит его, ножа), так вот, когда Вовка убедился, что обидам она не разрешает задерживаться ни в голове, ни в сердце, рассказал, как все было.

...Когда он заявил матери, что собирается жениться на ней, Любе, будущая ее свекровь заявила, сурово поджав и без того тонкие губы:

— Да уж догадывалась... Но не одобряю. Девка-то без образования.

Вовка помолчал. Потом поглядел на потолок, на стены. В стол. И — так же немногословно:

— Женюсь, мам. Ты уж как хочешь, а я женюсь.

— Не о такой жене для тебя я мечтала, — скажет еще свекровь, понимая, что все слова бесполезны: раз сын решил, значит, так и оно будет.

Но на свадьбе Люба все же сидела ни жива ни мертва: ну как все как-нибудь не так еще повернется? Мало ли... Это она голову потеряла, а он? Мог ведь и вправду с высшим образованием выбрать, а не ее, Любу, у которой всех достоинств — телом крепка. Так сейчас в моде как раз-то совсем другие — бестелесные.

Но все шло своим путем: гости кричали «горько», пели и плясали.

Свекровушка глядела на нее не сказать что ласково, но задумчиво. И вдруг, улучив момент, к ней подседа. И вышел у них откровенный разговор. Свекровь сказала так:

— Я ведь тоже без высшего образования. А у мужа таких образований аж два. И вот вышла я замуж, а поделаться с собой ничего не могу. Мы с ним как жили: ложится он рядом, а во мне ни одна жилочка не дрогнет. Бревно и бревно привалилось. Это уж потом стало по-другому. Пусть у вас по-другому будет сразу — за это и выпью.

Люба сначала опешила. Потом застеснялась.

Она стеснялась этого долго. Стыдно сказать: когда Вовка ложится рядом, в ней все петь начинает. Все начинает петь! Но она виду не подает, прячет глаза под одеяло. И дожидается, когда Вовка положит на нее руку. Прямо на грудь. И тогда все тело вмиг становится легким, как облачко... Так было в молодости. Так было после того, как двух детей родила. Так и сейчас. Кладет Вовка руку на грудь, и она сразу и на земле, и на

небе. А уж в самый сладкий момент, в самый-самый, происходит что-то совсем непонятное: Люба чувствует, что стала равна Вселенной...

Как это возможно, чтобы обычный человек сравнялся с необъятной Вселенной? Да откуда ей про это знать, Любке без образования? Она только именно что чувствует: Вселенная и она — одно и то же. У Вселенной и у нее — одни жилочки, одна кровь. Одна душа.

И причина такому ее необыкновенному чувству — он, муж.

Колхоз был для Вовки всей его жизнью. Вставал он так же, как и она, в четыре, съедал два куска мяса с картошкой и ехал в поле, на фермы («Ты думаешь, чего я на тебе женился? Знал, что мясом с утра накормишь»). Домой возвращался затемно. Люба одна управлялась и с хозяйством, и с детьми, а образованный муж крутился на колхозной работе как белка в колесе и почитал это за счастье. Люба его работу уважала: она что — только по дому да возле дома, а у него забот полон рот.

И вдруг в одном из высоких кабинетов прозвучала команда: колхоз — банкротить.

Три дня Вовка ходил, как током ударенный. То ли будет жить, то ли нет...

Через три дня в том же высоком кабинете он заявил:

— Я в этом участвовать не буду. Это уж — без меня.

«Без тебя так без тебя. Не будешь? Ну и сиди дома!» — примерно так разъярили Вовке его дальнейшую жизнь.

Люба сдуру обрадовалась: теперь у нее помощник будет! Дети выросли, к городу прибились, так что — в самый раз.

Но помощник приходить на помощь не торопился. Люба, как всегда, вставала в четыре и шла к скотине: убирала, кормила, доила. Часа через два подходила к кровати: помощник лежал, как поверженный воин — раскинув руки и ноги, в лице — отрешенность, и только из горла — то ли хрип, то ли всхлип, то ли стон. Солнце уж высоко стояло, когда он разлеплял глаза: «Люб, рассолу». — «Вов, может, хватит?» — «Горит, Люб. Вот тут горит».

И прикладывал руку к груди. «Ну так не водкой же заливать. Водкой-то этот пожар не потушишь».

Поставив у кровати рассол, уходила в огород; приходила, а он опять — как поверженный воин.

Однажды она легла рядом и лежала до тех пор, пока он не очнулся.

— Люб, ты чего?

— А ничего. Или встаем вместе, или пусть вся скотина с голоду передохнет.

— Ну, Люб... Дай рассолу...

Долго пил. Долго молчал. Потом повернулся к ней и положил руку на грудь...

И живут они теперь так: если Вовка утром встает — идут на скотный двор вместе. Если не встает — идет она одна. Скотине не скажешь: хозяйин нынче не в форме. Скотину надо обихаживать каждый день. Ноги в такие дни болят сильнее обычного, ну дак куда деваться.

Зато как рада Люба, когда в дом наезжают гости! Сидеть за столом — это тебе не навоз в узенькое окошко кидать. К опальному Вовке, Владимиру Константиновичу, кто только не приезжает. Но чаще всего — прежние друзья-товарищи.

Стол Люба накрывает быстро, поскольку готовит его по одному и тому

же сценарию: яичница-глазунья, красная рыба в кляре, сыры-колбасы. Под маринованные синенькие да соленые грибочки все это идет за милую душу, тем паче что запивается домашними наливками и настойками на терне, сливе, вишнях, смородине. На боярышнике — это, считай, уже лечебный напиток. Мужики выпивают, закусывают, изливают Вовке душу. «Сверху, как всегда, прессуют. Местных инвесторы выживают. Мать-перемать... извини, Люб...»

Люба слушает, особо в разговор не вступая. Ну чего она, Любка без образования, может подсказать тертым-перетертым мужикам? Хотя иногда ее подмывает обронить: мужики, ну а где же вы были раньше-то, пока можно было упереться рогом? Вовка-то вон уперся. А если бы вы все?

А недавно... недавно в их доме оказался вдруг гость из области, как выяснилось, самый настоящий писатель. По годам он был им с мужем ровесник, но в селе никогда не жил и потому сначала обстоятельно беседовал с хозяином, а потом переключился на нее, Любу. Так и закидал вопросами: а вот смогла бы она жить в городе? И неужто сельская глушь совсем ей не надоела? И сельская работа — это же с утра до ночи, без всяких тебе выходных...

Больше всего его удивил рассказ о том, как она быка резала.

— Что — сама? — не верил писатель.

— Ну, а чего же... раз надо.

— Но ведь — бык! Громадное животное! Курицу — это я еще понимаю.

— Так курицу тяжелее, — втолковывала ему Люба. — Ты ее, заразу, сначала поймай — набегаешься до упаду. А этот великан, как накинешь ему петлю на шею, сам ложится на землю. Только глядит... ох, как глядит!

Но и писатель уже смотрел на нее, не отрываясь, а когда Вовка вышел за очередной порцией наливки, вдруг произнес:

— Люба, вы — образ самой России.

И — бац — руку ей на коленку. Она ту руку, как муху, моментом смахнула — знала, чем может кончиться, если Вовка заметит...

Легит Люба, смотрит в небо. И нехорошая, непривычная мысль приходит ей в голову: вот если бы она ту руку не смахнула... что дальше-то? Дальше-то — могло бы что быть?

В последнее время Люба себя уже стесняться стала. Располнела. Пальцы на руках как сосиски. Волосы на солнце повыгорели. Вовка теперь и в глаза, и за глаза «баушкой» ее зовет. А как не баушка, если у взрослых детей внуки уже пошли?

И ноги вот разнылись так, что вставать неохота. Но вечернее солнце жарит, надо перебираться под навес. Под навесом у сарая солома накидана, можно отдохнуть, не опасаясь, что подскочит давление.

Что там супруг? Неужто опять...

— Лю-ю-б, ты где?

Легок на помине.

— Лю-ю-б!

— Да здесь я, здесь!

Муж возник в проеме — улыбающийся и трезвый.

— Вот она где скрылась. А я ищу ее, ищу.

— Что, соскучился?

— А то.

— Соску-у-чился... а сам баушкой зовешь.

— А ты что, в моем голосе шутки не слышишь? Всегда вроде слышала.

Вовка повел плутувскими глазами по сторонам, проговорил внезапно захрипшим голосом:

— Ты у меня не баушка. Ты — молодка.

— Вот теперь точно слышу. Шутку.

— Ну все... допекла.

И упал рядом. Она попробовала увернуться:

— Ну, чего ты, чего... От меня навозом пахнет.

— Не чую, Люб. Молоком — чую, сеном — чую. А навозом...

Вот и весь рассказ. Практически ничего здесь не выдуманно. Разве что отчество у Володи другое, так его легко заменить на настоящее. Надо ли что-либо добавлять к сказанному? Надо. Брата моего Володи не стало в мае 2019 года, и любимая его Люба живет теперь воспоминаниями о своем незабвенном супруге и заботах о детях и внуках. Не забывают его сестры и братья. Заглянем еще раз в Тонину тетрадь.

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Как-то раз приходит Володя и говорит: «Пошли, сестра, на охоту сходим, а то все дома и дома». Заходит вечером. Собрались: взяли шубы, воды, хлеба с помидорами и пошли. Идем, а я вдруг спохватываюсь: ружье-то забыли. А он серьезно так отвечает: потом сбегает. Дошли до пруда, залегли под берегом. Брат говорит: лежи и наблюдай, сейчас прилетит разведчик и если увидит, что все тихо, — прилетит вся стая. Так пролежали мы на шубах целый час. И вот показался разведчик. Покружил-покружил и улетел. Брат тихонько: «Сейчас всю стаю приведет». И вот видим — летят уточки одна за другой, штук семь или больше. Сели на воду и потихоньку посвистывают. Мы наблюдаем, любуемся. Вдруг я спохватываюсь: «А ружье-то? Надо за ним бежать». И тут брат говорит: «Не надо, сестра. Не могу я больше в них стрелять, пусть живут-поживают». А я знай ворчу. А он: «У тебя что — поесть нечего? Ты смотри, какая красота вокруг, душа радуется, петь охота. А ты — ружье». Так вот мы и поохотились... На другой день приходит: пойдем порыбачим. Я ему: «Что, тоже пойдем без удочек?» А он смеется: «Нет, сети на этот раз возьмем!»

В школе — отличник. В университете — отличник. В армии — тоже отличник. Работать начал — всего себя работе отдавал. Почему же стране такие люди вдруг стали не нужны? Некоторые из друзей брата оказались в такой же ситуации. А у всех — золотые головы, талант и душа, болеющая за родную землю. Зачем случилась эта перестройка?! Неужто нельзя было улучшать нашу жизнь как-то по-другому?

ОЙ, ХОРОШО, ОЙ, ХОРОШО...

Можно ли жить с пьяницей и быть счастливой? Если бы меня спросили об этом до того, как я взяла в руки Тонину тетрадь, я бы однозначно и безапелляционно ответила: нет. А когда в эту тетрадь заглянула...

Первый брак у Тони, как и у сестры Тани, тоже оказался неудачным. И развод с мужем она переживала так же тяжело — долгое время от всего пережитого ходила с температурой под сорок. А кому понесешь свою беду? Конечно, маме. Вот пошли они с ней как-то на пруд. На дворе поздняя осень, кромки у пруда уже заледенели.

— Мам, я в воду хочу.

— Ну и иди. Делай, что тебе хочется.

Разделась Тоня, одежду ей отдала. И — бух в воду! Поплыла. Долго плавала. Вышла на берег, чувствует — легче. Мама ей говорит:

— Полегчало? Ну и слава Богу.

— Мам, а чего мне теперь делать?

Тетя Рая не больно разговорчивая была и говорила тихо. Но вот что удивительно — все всегда ее слышали. Что у мужа в конторе, что в гостях, а уж дети... На этот раз мама сказала дочери так:

— Решай сама, дочка. Как решишь, так твоя жизнь и сложится. Мы бы с отцом и рады все ваши тяготы на себя взять, только вашу жизнь за вас прожить не можем.

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Долго я жила одна. Много глупостей наворочала. И в конце концов поняла: нет ничего хуже одиночества. Что же делать, новую семью заводить? Да ведь я некрасивая, замужем уже была, кто же ко мне с серьезными намерениями подойдет? До перестройки была на серьезной работе — ветеринаром в плодопитомнике, а тут, как и брат, осталась вдруг без работы.

Пришлось пойти на сахарный завод гасильщицей. Кто знает, тому известно, что спутники этой работы — пыль, известь, дышать нечем. После смены бухнешься на сиденье в автобусе — слава Богу, отдохнуть можно. Натяну на глаза капюшон и делаю вид, что меня и на свете нет. Но на самом деле кругом себя глажу и думаю. Вот стоит рядом пара: она тоже, типа меня — ничего особенного, а он слушает ее и улыбается. Почему со мной такого не происходит?!

На другой день в том же автобусе опять вижу этого мужчину. Сидит напротив и смотрит... прямо на меня! И — Боже — какие красивые у него глаза! Синие-синие... Скоро остановка. Понимаю: сейчас встанет и уйдет. А я не хочу, чтобы он уходил! Что же делать?! Вспоминаю мамины слова: «Как решишь, так твоя жизнь и сложится». И вот говорю подружке погромче: «Кать, поможешь мне донести вещи до дома?» Она: «Да у меня самой полно». И тут Володя (услышал!.. а я уже знала, что зовут его Володей) говорит: «Давайте я вам помогу». Приехали мы с сахзавода в питомник, Володька, как и обещал, несет мои вещи. И опять я решаюсь на несвойственный мне поступок — зову его домой. Познакомила с братом Сергеем, сыном Максимом. Пили чай, разговаривали.

И потом еще несколько раз в автобусе с ним встречались. Придет время, и он мне скажет, что из-за меня на том автобусе катался. Кататься-то катался, а ко мне не подходил... Придет время, и я скажу себе: наверно, это судьба. А если судьба... Словом, решила я на совсем уж отчаянное. Попросила подружку, у которой была машина: «Отвези меня в Каменку». (Володя жил в Каменке — это село недалеко от сахзавода). Приехала, а где он живет, не знаю. Захожу в один дом: «Где тут живет Володя Сергеев?» — «Да вон — первый дом. А вы к нему зачем?» Молчу, не знаю, что сказать. А хозяйка вдруг молча собралась и повела меня к нему. Оказалось — это его мать. Открываем дверь. Как у него хорошо в доме! Топится печка, тепло, вкусно пахнет щами. Вот только хозяин спит и никак на нас не реагирует. «Загулял. Теперь это на две недели, — привычно объясняет мать. — Садись, дочка, рассказывай, зачем к нему пришла». И проговорили мы до четырех утра... Тут я спохватилась: ой, домой надо. «Да куда ты ночью пойдешь? Ложись на другую кровать и спи». А мне, честно говоря, и не хочется уходить.

Утром хозяин дома просыпается: «А это тут кто еще?» А мать уже на пороге, горячего супчика принесла.

— Чудеса да и только: устал один, а проснулся...

— Вот ведь, сынок, как пить — ничего не помнишь.

Завтракали вместе. А потом я ушла домой. Проходит неделя — Володька не показывается. Ну, думаю, не понравилась, как и всегда было. А через две недели...

День был как сказка: шел снег, все белое, чистое, пушистое... Кто-то постучал в дверь. Открываю — он, Володька! И опять поражаюсь его глазам: синие-синие.

Опять пили чай — с братом, с сыном. Потом пошла его провожать. Дошли до перекрестка. Чувствую, ему уходить неохота. А мне как неохота, чтобы он уходил! И губы мои помимо моей воли (а может, выполняющая мою волю?) выговаривают: «А может, останешься?» Он подошел ко мне, обхватил ручищами да как закружит!

И остался! На целую жизнь, на десять лет счастья!

Больше мы с ним не расставались. На работу, с работы (он работал на сахзаводе в столярке) — вместе, в огород, в лес — вместе, на рыбалку — вместе, банки закручивать — вместе. Как мои родители. Да, пить он не перестал — на две недели регулярно уходил в запой. Не знаю, как, но как-то я это время пережидала. Потому что потом было счастье! Оказалось, Володька — хороший строитель. Приехала к нам как-то его мать: «Сынок, что это у вас туалет такой плохой? Тонь, а ведь он хороший строитель». К следующему маминому приезду такой скворечник у нас во дворе стоял — залюбуешься! Спрашиваю: «А чего ж ты раньше не строил?» — «Не знаю». Потом он в Константиновке часовню строил на роднике и другую — на кладбище. Много работы и в самом храме сделал. Помогали ему его товарищ и я. Батюшка спросил однажды: «Ты чего жену-то с собой таскаешь? Пусть дома сидит». А он: «Нет, пусть всегда со мной будет. Мне так лучше». Вообще Володька без дела, пока не пил, не сидел, всегда что-нибудь мастерил, то себе, то людям. Когда с зарплатой стало плохо, взялись махорку сажать. Канители с ней! Но вместе справлялись.

Как-то летом шли мы по ивановскому мосту — из Ивановки в Каменку, и мой Володька начал вдруг петь и плясать. Я говорю: «Что с тобой? Вроде не пьяный». А он: «Это мое сердце поет — так тебя любит». Вот когда дождалась я признания в любви.

Взялась вязать для него носки, а он их друзьям раздал. Зато потом купил мне кучу носков в магазине и еще валенки в придачу и, примеряя их на меня, поцеловал мне ноги. И сказал: «Какая ты красивая, и ножки у тебя маленькие и красивые». Господи, часто ли жены слышат от мужей такие слова? Мне — привелось.

Сын мой Максим к Володе не просто быстро привык — полюбил его, как родного.

А потом пришла беда. У меня обнаружили рак молочной железы. Больница, операция, химиотерапия. Вернулась домой без волос и без бровей. Ну, думаю, бросит — зачем я ему такая. Говорю: уйдешь — не обижуся. А он: да зачем мне твои волосы, мне — только чтобы ты рядом была и живая.

Максим мне рассказывал: «Мам, пока ты была в больнице, он каждый вечер вставал перед иконами на колени и молился. Каких-то оптинских старцев просил тебе помочь. А днем солнце об этом просил».

И пошла наша счастливая жизнь дальше. У меня появилась привычка: делаю дела да и пою вслух: «Ой, хорошо, ой, хорошо». Однажды слышу, что и он вторит: ой, хорошо, ой, хорошо...

Предвижу опаску ревнителей православия: ишь, вечером святым молится, а днем солнышку поклоняется... Это уже язычество какое-то.

А может быть, это не язычество, а просто жизнь? А в ней чего только не намешано, чего только не бывает. Вы обратили внимание на то, как мы озаглавили следующую часть нашего повествования? Иной строгий читатель и тут вправе спросить: «И что же это получился за винегрет? Все в кучу свалили: человека, птицу, какого-то непонятного Султана». Сейчас будем объясняться, чтобы все-все стало понятно.

Хотя, честно признаться, я и сама долго не могла понять хотя бы вот этого: не слишком ли просто складываются отношения у наших героев? Две недели Тоня терпит пьяного мужа, две следующие у них сплошная любовь и взаимопонимание. Так разве бывает?

Оказывается, бывает и так. На вопрос «Отчего и почему?» мы постараемся ответить чуть позже, а пока...

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Мы прожили вместе уже шесть лет, когда однажды поссорились. Пришли с работы, я собираю на стол еду, а Володька поглядывает в мою сторону и объясняет своему другу (он забрел к нам на огонек), что вот любит он свою жену и все. Я решила пошутить: «Ага, любит, а сам то на одну заглядывается, то на другую». Володька вдруг встал из-за стола, подошел ко мне и спрашивает: «Ты это серьезно говоришь?» — «Да видела, видела», — продолжаю я шутить, хотя уже поняла, что сказала все это зря. Он оделся и вышел из дома. И быстро-быстро пошел по дороге в свою Каменку. Я — за ним. Бегу и кричу, что пошутила, что зря все сказала, что больше ни разу, ни разу... Как же я испугалась тогда, что от меня уйдет!

У него шаг широкий, я приотстала.

Но вот подхожу к его двери, стучу: «Можно к тебе войти?» — «Уже вошла, чего спрашивать». Лежит на кровати. И я понимаю вдруг, как он устал — целый день работал на крыше. Да и я устала, пока бежала за ним. Легла на другую койку: «Я тоже отдохну. А потом, если ты скажешь “уйди”, то и уйду». Взяла его шубняк, накрылась, только сна нет как нет.

Минут через двадцать мой Володька (мой, мой!) подошел, лег рядом, обнял меня и говорит: «Дура ты, дура. Только тебя одну и люблю». Мои руки тоже потянулись к нему. Мы обнялись и уснули. А утром, в пять часов, уже шли обратно, счастливые. Как молоденькие шли, держась за руки.

Через год я привезла от сына (он жил уже самостоятельно и отдельно) собачонку. Назвали Султаном. Володька мой обрадовался ей, как маленький, принялся учить выполнять всякие команды. К осени Султан подрос, но все-таки когда мы поехали копать картошку в Каменку, его с собой не взяли. Весь день работали, и к вечеру я так устала, что думала только об одном: как бы помыть ноги и лечь спать. А Володька вдруг говорит: «Я пока ужин приготовлю, а ты езжай домой, проверь, как там Султан. Да и покормить его тоже надо». Посылал он меня потому, что я ездила на скутере, и мне это было сделать быстрее. Но стою на своем: не могу, устала. И тут Володька первый раз за все годы нашей жизни грубо так сказал: «Собака преданнее человека, а у вас, баб, не знаешь, что на уме». Тут уж я взорвалась, села на свой скутер...

Отъехала немного, вижу — Султан бежит мне навстречу. Повернули

с ним к Каменке — и Володка наш едет нам навстречу на велосипеде. Я остановилась, подвела к нему собаку, отдала в руки поводок. Села опять на скутер и — домой. Не смогла обиду преодолеть. Пожевала хлеба, легла. Думаю: ну, вот и все... этого он мне уже не простит.

А утром чуть свет раздается стук в дверь. Открываю — стоят мой Володка и Султан. И слышу я такие слова: «Раз завели собаку — мы за нее в ответе. Я ее уже люблю... как тебя». И стоит, смотрит, ждет, что скажу я. А чего мне говорить? Поняла уж, что права не я, а он. Обняла его и говорю: «Пошли поедим чего-нибудь, да опять картошку копать». Сидим, едим, и у меня в голове одна только мысль: какое счастье быть вместе!

Давайте переведем дух, читатель. Вам не кажется, что именно сейчас нам есть над чем подумать, о чем порассуждать? Как часто мы произносим в нашей повседневной жизни слово *любовь*. Как много говорим о смирении. А то еще беремся толковать библейское понятие «нищие духом». И многие понимают его так: нищие — значит, бедные, обделенные, не имеющие за душой никаких духовных ценностей. Признаюсь честно: я и сама так долго думала. Пока не попала в мои руки книга о святителе Луке, пока не познакомилась с его рассуждением: «Вот там, в притворе, стоят бедные нищие... Они питаются той милостыней, которую им подаете вы, одеваются теми обносками, которые получают от вас. Это телесно нищие.

И вот такими должны быть и нищие духом. Они себя сознают совершенно нищими в добродетелях... Они смиренно сознают себя ниже всех».

Не сомневаюсь ни на минуточку, сколь многим такое толкование смирения придется не по душе. Как? Почему я должен сознавать себя ниже всех, если вон мой сосед... или соседка... или кто там еще позволяют себе и то, и это, и — ничего, живут себе, вполне себя уважая.

Да Бог с ними, другими. Каждый из нас должен заботиться, прежде всего, о своей собственной душе, разве не так? Ну вот что сделали бы вы, когда вам говорят, имея в виду собаку: «Люблю ее, как тебя»? И неважно, кто говорит: мужчина женщине или женщина мужчине. Реакция чаще всего будет такой: «Я для тебя то же самое, что и собака? Ну спасибо, вот уж не думал (не думала), что ты меня со скотиной будешь равнять...»

Умница Тоня не дала волю гордыне и потому уловила (сердцем почувствовала?) в словах своего мужчины главное: он никогда не сделает больно никому: ни ей, ни даже собаке. Так за что же на него обижаться?!

«Ну а гуси? — вспомнит внимательный читатель. — Куда делись ваши гуси, заявленные в заголовке?» Не переживайте: с гусями все в порядке. Более того — они будут апофеозом этой главы.

В общем, дело было так: Тоня с Володей купили этих самых гусей. Пятьдесят штук — чего уж там мелочиться. Купили и стали выращивать. В Каменке травы — завались, да и комбикормом хозяева запаслись, но Володя, выходя к птице, обязательно прихватывал еще и буханку хлеба — побаловать птицу. Верный Султан всегда был рядом. Собака умная, он быстренько сообразил, что при гусях ему придется служить охранником. И службу свою исполнял ревностно: попробовал бы кто подойти к тем гусям! Так было все лето. Гуси до того привыкли к собаке и, главное, к хозяину, что как завидят его, так вся стая на крыло — и за ним, куда бы он ни шел. Тоня смотрела на эту идиллию и думала: как же он будет их резать?

Незаметно пришла осень. Выпал первый снег. Однажды выходит она из дома — а Володя, пьяный, лежит на фуфайке, дрыхнет, а гуси облепили его со всех сторон — греют. Тоня гусей накормила, вынесла шубу, накрыла хозяина, а гуси опять и на нем, и сбоку — греют. Проспался хозяин, зашел домой. Тоня спрашивает:

— Когда же гусей будем резать?

— Каких гусей?

— Наших, каких же еще.

Минута молчания. Потом:

— Резать гусей не дам.

— Для чего же мы их растили? — снова спрашивает жена.

Опять молчание. Потом:

— Не дам резать — и точка.

Тоня перечить не стала, а взялась потихоньку гусей раздавать: родным — в качестве подарка, чужим — на продажу. Так сами ни одного гуся и не зарезали.

«ОН ЖИЗНЬ ЛЮБИЛ И ВСЕ СТРЕМИЛСЯ В ЗАВТРА...»

Эта поэтическая строчка посвящена второму брату моих двоюродных сестер — Михаилу. Другие строки мы приведем чуть позже, а пока...

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Миша, брат, рос как-то незаметно. Друзья, рыбалка; как и брат Володя, с шестого класса летом работал в мастерской, осенью — на комбайне и тракторе. Все как у всех, без особых происшествий. Хотя...

До конца школы оставался всего месяц, когда пришла к нам в дом его классная руководительница:

— Раиса Степановна, а где ваш сын Михаил?

— Как где — в школе.

— Он не показывается там уже третью неделю.

Позвали Мишу. Мама:

— Миша, в чем дело?

— Рыбачу. А школа надоела.

И учительница, и больше всего мама — в недоумении: всегда учился на отлично, занятий не пропускал — что за дурь напала на примерного ученика? Мама, конечно, взялась утрясать ситуацию: вы уж поспрашивайте там его, если что — пусть дополнительно позанимается.

Дополнительно заниматься не пришлось — брат по всем предметам продемонстрировал отличные знания. Видно, ему действительно в школе стало скучновато. Зато в университете потом, как и Володя, учился с увлечением.

Что меня всегда удивляло в Мише — так это его походка: ходил вразвалочку, но быстро. Он и жил быстро. Все и везде ему нужно было успеть, не тратя при этом лишних слов. Вспомнить хотя бы то время, когда я попала в больницу со своим страшным диагнозом. Миша в то время был главой сельской администрации — можно представить, насколько он был занят, но в больницу приехал первым. Быстрой своей походкой обошел всех врачей, со всеми поговорил, и вот — уже в моей палате:

— Не беспокойся, сестра, все будет хорошо. Проходи обследование, сдавай анализы, а по результатам будем решать вопрос об операции.

И убежал. Я и не удивилась — наш Миша всегда спешил.

После операции он в тот же день отвез анализы в Пензу. Через несколько дней заходит, а точнее, как всегда, забегают в палату: «Собирайся быстро, я тебя отпросил на часик». Выходим на улицу, отъехали от больницы Он открывает дверцу: «Ну, выходи, слушай. Что слышишь?» — «Да, — говорю, — звон и гул какой-то. Будто колокола звонят». Оказалось — и впрямь звонили колокола: Миша объехал все церкви Саранска и заказал звонницу за мое здоровье. Говорит: «Сегодня во всех храмах будут молиться за тебя». Я расплакалась.

А потом благодаря Мише я в первый раз увидела море. Я была уже дома, когда он забежал однажды со словами: «Собирайся скорее, через два часа поезд». — «Какой поезд? Какое море? Сроду там не была, боюсь...» Но с Мишей разве поспоришь? И вот я уже в вагоне, поезд тронулся, Миша махнул рукой и — не медля — побежал по своим делам.

А я как приехала в Сочи, да как увидела море — так и закричала от страха: «Боже, сколько воды! Как только ее земля держит?» А потом все дивилась и дивилась красоте южной природы.

Действительно, читатель: за Мишей, Михаилом Михайловичем Рыжовым, успеть трудно. Но необходимо сказать, что лучшие, самые плодотворные годы своей жизни он провел в Рузаевском районе Мордовии, в селе Мордовская Пишла — здесь он работал сначала главным агрономом совхоза имени Байкузова, потом его директором, а затем жители избрали его главой сельского поселения. Однако сейчас мне хотелось бы остановить ваше внимание не на его трудовой и общественной деятельности, а на таких словах его сестры: «Брат объехал все церкви Саранска и заказал звонницу за мое здоровье». Михаил Михайлович отдал дань моде? Или здесь было что-то другое, другой, более серьезный мотив? Пожалуй, здесь самое время заглянуть в тетрадь постоянно действующего «вулкана» и вспомнить кое-что из прежней жизни наших героев.

ИЗ ТАНИНОЙ ТЕТРАДИ.

— Тань, собирайся, поедem за иконой.

— За какой иконой, мам?

— За той, которой меня отец, а твой дед Степан в замужество благословил. Хочу ее для сына Сергея привезти, буду молиться за его здоровье.

До маминой родной деревни Судосево путь неблизкий, свозить туда нас мы просим брата Володю на его машине. Дорогой мама рассказывает, что икону, за которой мы едем, в годы обрушения веры отец прятал у себя дома. А я вспоминаю, как шла однажды с дедом Степаном по деревне (было мне тогда лет десять), и многие встречные люди кланялись деду до земли. Спрашиваю:

— Дед, а чего люди кланяются тебе?

— Было время, далекое, еще довоенное, когда людям голодно жилось. Дома семеро по лавкам, а у них последний хлеб забирают. Продразверстка. Вот тогда я и помогал многим.

— Да чем ты мог помочь? Мама про тебя говорит: сам гол как сокол.

— Я в ту пору сторожем на току работал, а рядом было кладбище. Вот я в свежую могилу десять мешков пшенички и зарыл. А по весне раскопал да относил тем, кому совсем уж есть нечего. Глядеть на мучение людей, особенно ребятишек, не было сил, вот и брал грех на душу.

— А какой тут грех?

— Ну, от властей зерно укрыл.

Помню, я шла и плакала. Дедушка росточком небольшой, а духом, получается, крепкий был.

И вот приехали мы к маминому родному дому. Дома никого — и дед, и бабка уже на том самом кладбище лежат, про которое дед рассказывал. Отпираем замок, открываем дверь, и... слышу мамин вскрик:

— Нету икон! Господи, где же они?!

Пошли по соседям. Те только руками развели. На божничке — полочке для икон — один рушник остался. Вот мама взяла его и проговорила: «За своим иду, иду, домой верну, верну». Три раза так проговорила, и пошли мы по селу. Много уж домов прошли, а у одного мама вдруг остановилась. Выходит бабка: «Ах, Рая, это ты пришла». Мама с ходу: «Я за своим пришла, верни иконы». Бабка молчит, в дверях застряла. Я не выдерживаю:

— Мам, чего стоим? Надо в дом идти и самим посмотреть.

Проходим в переднюю и узнаем бабушкины иконы. Мама:

— Таня, бери вот эту икону Божией Матери, аккуратненько, рушником.

А сама молитву читает. Бабка:

— Не дам! Уходите из моего дома!

А мама:

— Не вашу икону забираю — своих отца-матери...

Вышли мы с ней на улицу, а вслед нам несется:

— Проклинаю! Чтобы вам и до дома не доехать!..

Мама знай молитву читает, а я бормочу:

— Вот вернусь сейчас и покажу ей где раки зимуют.

А мама:

— Нельзя, дочка, к людям с добром надо...

Подходим к машине. А она не заводится! Брат вышел, в моторе покопался — едем! И опять встаем. Мама говорит:

— Да, бабка-то эта не простая... А ну-ка, выходите из машины.

Мы вышли, и с иконою обошли ее три раза, причем мама постоянно читала молитвы. И поехала наша машина! Я еду и думаю: да и мама наша тоже, видно, не простая. Сколько раз заходили в наш дом странницы-богомолки, и мама всегда их привечала, кормила, оставляла ночевать. Папа, бывало, заворчит: «Рай, самим спать негде», а она негромко, но твердо: «Полезайте на печь». Она всегда так говорила: тихо, а слышали ее все. Слышали и — слушались...

В общем, привезли мы тогда икону домой, поместили среди других на божницу в передний угол и с тех пор все больше на нее молились: кому экзамены сдавать, кому рожать, кому здоровье поправлять.

Теперь вы понимаете, дорогой мой читатель, почему Миша поехал по саранским храмам, когда его сестре понадобилась не только врачебная помощь? В семье Рыжовых даже в самое атеистическое время было принято в трудную минуту просить помощи у сил небесных. И не только для себя. О чем я?

А о том, что в селе Мордовская Пишля, где Михаил являлся главой администрации, стоял, как и во многих других российских селах, полуразрушенный храм Рождества Пресвятой Богородицы. Точнее будет даже сказать — одни только стены от храма и остались: ни окон, ни крыши,

ни куполов, ни звонницы, да и стены травой и дустарником заросли. Скольکو забот у главы сельской администрации, думаю, вы представляете. А если спросите об этом жителей Мордовской Пишли, то они приведут вам и конкретику: именно при Михаиле Михайловиче в селе закипела работа по газификации как жилья, так и объектов соцкультбыта, был проложен асфальт по центральным улицам, народ перестал таскать воду из колонок — если раньше этой привилегией пользовались только жители совхозных квартир, то теперь водопровод был проведен и в частные дома.

Сестра Тоня однажды поинтересовалась: «Миш, когда ты все успеваешь?» Вечно спешивший брат вдруг остановился на ходу, посмотрел на нее непривычно серьезно и ответил почти как мама Рая: «Так ведь просящему всегда будет дано. Я не устаю просить». И показал глазами на небо. Ну а мужики, которые ездили вместе с ним в район за стройматериалами, дают еще и такое объяснение: «Так ведь Михаил Михалыч упорный был! Он в одних кабинетах просил, в других требовал, а то действовал по пословице: его за дверь, а он — в окно». В окно не в окно, а во вторую, а то и в третью дверь братушка наш просачивался точно.

Вот так же смотрел-смотрел он на порушенный людьми и временем храм — да и пошел по кабинетам. В кабинетах его вразумляли: да ты знаешь, в какую сумму выльется восстановление храма? Нет у нас таких денег! А он думал свое: сельчане ему рассказывали, что строился храм ни много ни мало более сорока лет. Стоит он на возвышении, виден со всех сторон; просыпаясь, люди первым делом вольно или невольно обращали свои мысли к небу, к Богу. С Богом в сердце живут пишлинцы и сейчас — разве не поэтому в селе есть молеальный дом, куда регулярно приезжает для богослужений батюшка из районного центра? Надо, надо восстанавливать храм! И, видно, желание просящего оказалось столь велико и горячо, что было услышано в кабинете, выше которого уже нет: в один прекрасный день в районе появился серьезный спонсор — жительница Москвы Елена Валентиновна Сиволдаева. Оказалось, в руду у благотворительницы были священники, в сельском храме приживала ее прабабушка. В Мордовской Пишле родилась и выросла ее мама, остались другие родственники. Столичная гостья чувствовала, что ее долг — дать новую жизнь храму, в котором молились ее предки, где будут молиться новые поколения селян. На богоугодное дело было получено благословение митрополита Саранского и Мордовского Варсонофия; в Пишлю не один раз приезжали священнослужители, архитекторы, строители, в результате чего был составлен детальный план строительно-восстановительных работ. И вот наконец наступило время конкретных действий.

Вспоминает худрук местного клуба Татьяна Ивановна Китаева:

— Раненько утром, управив домашние дела, захватив лопаты, носилки и что там еще требовалось, шли мы работать к храму. Наш глава — в первых рядах. Мы-то знали, что утром Михаил Михайлович тоже доил корову, потому что жена в отъезде (она работала в то время проводницей), пропускал через сепаратор молоко, готовил творожок, а теперь вот с лопатой наперевес шел в общем строю. Сначала мы убирали скопившийся мусор — горы мусора! Потом пришло время кладки кирпича — и мы стали подсобными рабочими у строителей. Замуровывались прорехи в стенах, возводились купола и звонница. Пришел черед штукатурных работ — мы помогали и здесь, делали все с охотой и огоньком. Не могу умол-

чать и вот о чем: строительство храма ознаменовалось рядом чудес. Расскажу только об одном из них. На внешней стене на куске ржавого железа, которым был закрыт проем, стал проявляться образ Спасителя. Старожилы рассказывают, что когда-то, до разграбления церкви, на этом месте находилась деревянная икона с точно таким же образом. И вот чудо: изумленные люди стали замечать, что с началом восстановительных работ этот образ вдруг начал проявляться, приобретая с каждым днем все более явственные черты.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы был восстановлен в рекордно короткие сроки — за два года.

В сентябре 2012 года все работы были закончены. 21 сентября, в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы, состоялось малое освящение восстановленного храма.

А в 28 ноября в храме отпевали раба Божия Михаила...

Ему было всего пятьдесят восемь лет. И все эти годы — бегом, бегом. Скажет кто — вспомни о себе, займись своим здоровьем, ответ один: некогда, некогда.

Мои родственники, проживающие в Мордовии, на тех похоронах были. Вот их впечатления: «Народу было видимо-невидимо — видно, не только село, но и весь район приехал проститься с нашим Михаилом». После панихиды, на поминальном обеде, люди вспоминали добрым словом усопшего и плакали. Чаще всего повторялись слова: «Такого руководителя у нас не было никогда. Он и ушел так рано потому, что не жалел ни сил, ни времени для того, чтобы сделать нашу жизнь лучше». Моей родной сестре Валентине запомнились слова, которые произнесла одна из Мишиных коллег: «Он один стоил и сделал столько, сколько мы все, вместе взятые». Она из дачниц произнесла: «Он относился к людям так, будто все были ему родные».

С тех пор прошло десять лет. Жители села забыли нашего брата? Конечно, нет! Мало того, они устроили ему день памяти: прошлой осенью, 28 ноября, собрались в сельском клубе и вспоминали, какой он был, их любимый глава поселения. Какие же теплые, добрые слова проносились в его адрес! И просто нельзя не привести здесь частичку выступления той же Татьяны Ивановны Китаевой: «Михаила Михайловича уже не было с нами, а работы в селе еще долго велись по проектам, которые он составил, добился их утверждения в районной администрации. Например, были отсыпаны щебенкой те улицы села, куда еще не пришел асфальт, был капитально отремонтирован наш сельский клуб. Мы проводим здесь концерты, мы и сегодня сидим в теплом, красиво оформленном помещении благодаря ему, Михаилу Михайловичу Рыжову».

Вот там-то, на той встрече, и прозвучали стихи местного поэта Валентины Ивановны Осиповой:

Склоните, люди, головы в печали —
Ушел из жизни славный человек.
С открытым сердцем, чисто душою
Он прожил с нами свой недолгий век.
Он жизнь любил, и все стремился в завтра,
И никогда не думал о себе.
Скорбят сердца людские на селе...

ТРИ ЗОЛОТЫХ СТРЕЛЫ

Но первой ушла из семьи она, мать — маленькая, но так много успевшая сделать за свою жизнь Раечка. Ушла — то есть сделала то, что им, детям, казалось невозможным. Потому что жизни без матери — сами уже семейные, сами родители — они не представляли. Володя, пока был жив, заходил в родительский дом каждый день. Часто навещал его и Миша. Про девочку и говорить нечего — хоть и жили уже в питомнике и на станции, но дорожку к дому не забывали.

ИЗ ТАНИНОЙ ТЕТРАДИ.

— Тань, в больницу надо сходить.

— Мам, ты что — заболела?

— Спина огнем горит.

— Я давно заметила, что ты часто прислоняешься к бочке с холодной водой.

— Никак боль не могу унять. А так вроде легче.

И вот мы в Ромодановской больнице. Маму кладут на обследование. Здесь я ее по вечерам, после работы, и навещала. Через несколько дней врачи сказали: надо везти ее на обследование в Саранск, там аппаратура лучше, современнее. Я шла в тот вечер домой и думала: ну почему мы в космос летать научились, а человека вылечить не можем?! Ночь провела без сна. Утром, как в тумане, пришла на работу. Надо ехать в поле, убирать урожай на своих опытных делянках. И вдруг открывается дверь и заходит брат, Володя:

— Сестра, пошли, мать уже в Саранске. Ночью ей сделали операцию.

Кому-то сейчас надо быть при ней.

Я встала и тут же опять упала на стул: ноги не держали. Под руку брат довел меня до машины. Поехали. И вот больница в Саранске, второй этаж, палата, где лежит мама.

— Брат, ты чего встал?

— Тань, зайди одна. Я не могу.

Заплакал и побежал вниз. Мне тоже страшно, но беру себя в руки, захожу. И вижу на огромной кровати нашу такую маленькую, такую милую и родную маму. Непослушными губами произношу:

— Мамочка, я здесь.

— Да, я знала, что ты будешь рядом, как всегда.

Крепко взяла меня за руку и вдруг... уснула. А руку не отпускает. И вдруг опять слышу:

— Дочка, ты руку не отпускай. Как отпустишь — так и умру. А пока держишь, Бог нить жизни не оборвет.

День проходит. Проходит ночь. Я держу мамину руку.

Утром она мне говорит:

— Сейчас ко мне приходил старец и сказал: «Вот тебе три стрелы, потом отдашь. Стрелы светятся, блестят, как золотые...» Ты меня слышишь?

— Слышу, мам. Я никуда от тебя не уйду. На улице и папа, и Володя, и Миша, и сестра. Я схожу, позову их.

— Да, пусть они придут сюда. Я хочу на них посмотреть. Я думаю, что стрелы — это жизнь.

И замолчала. Минуты тянулись, как вечность. Что еще скажет моя мама?

— Три дня мне Бог определил. Потом — все.

— Ну что ты, мам, что ты, ты еще... — бормочу, что бормочут люди в таких случаях.

Зашли отец, братья, сестра. Мама смотрит на всех и улыбается.

— Ну вот, отец... Страшно мне. Мне хотелось, чтобы ты первый, а я к тебе под бочок. Тогда бы я не боялась...

Зашел врач, гонит всех — слишком много народа.

И вот мы с мамой опять одни. Молюсь, как умею: Господи, если только Ты есть — спаси нашу маму, возьми взамен мою жизнь. Утром замечаю — на простыне, которой укрыта мама, появляется какая-то тень. Я крепче сжимаю ее руку: не дам, не отпущу, еще рано... И тут слышу:

— Дочка, опять старец пришел. И не один — со святыми. Ты видишь их? У головы моей смотри, там так светло.

— Мам, да это солнце, наверно, светит из окна, — говорю я. И тут до меня доходит, что окна-то в палате нет.

— Они мне молитвы поют. Не плачь, не надо...

И больше ничего не говорила мне мама. Весь день я опять держала ее руку, а вечером сестра с братом Мишей меня сменили. Тоне я наказала: «Смотри, руку мамину не отпускай...»

Пришла домой, думала — рухну от усталости, а ее вдруг как рукой сняло. Сажу на кровати, смотрю в пустоту, а ровно в 20.45 надо мной как шум какой пронесся. Я закричала:

— Нет больше мамочки!

Муж говорит:

— Ты что, с ума сошла от недосыпа?

А утром приехал Миша и сказал:

— Мама умерла. Вечером. Около девяти часов...

Я думала — небо рухнет от нашего горя. Папа почернел весь, мы, дети, семь крепких жизней, чувствовали себя слепыми котятами, не понимающими, куда дальше идти, как жить.

Утром, в день выноса мамы из дома, у нее из глаз вдруг потекли слезы. Мертвая, она плакала, прощаясь с нами. До этого как бы улыбалась, лаская нас своей улыбочкой, а тут... Кто-то, возможно, не поверит в это, а мы все видели своими глазами.

И пошли дни без мамы. Боль прощания так и осталась с нами — не на дни, на года. На могилу каждый день бегали. Сколько слез было пролито...

Но вот через три года — во сне, наяву? — мама пришла ко мне. Пришла строгая такая, сердитая, какой при жизни никогда не была. И говорит:

— Тань, хватит плакать. Мне уходить надо, а вы не даете. Зачем вы меня держите?

И пошла на меня... Я как закричу:

— Мам, я же знаю, что ты умерла, почему же сейчас тебя вижу?!

Она рукой как взмахнет — я и очнулась. Стою на кровати, кричу: «Мама, не подходи, я боюсь!» — и дрожь меня пробирает до костей.

Сон это был или явь, наш с мамой разговор, — не знаю, но много плакать я с тех пор перестала. Боялась. Поняла, что умерших надо отпускать. Что надо не плакать и реветь, а молиться за них.

КОНЦЕРТ ДЛЯ ВЕТЕРАНА

На том концерте 9 мая 2004 года он был главным зрителем. И единственным из оставшихся в живых ветеранов Великой Отечественной войны в совхозе «Красный Узел». Вот для него, единственного, совхозные самодеятельные артисты и решили сделать концерт.

Дядю Мишу усадили в первом ряду, среди детей и внуков. Глава сельского поселения произнес небольшую речь, а потом, как и положено на концерте, пошли стихи и песни.

Дядя Миша смотрел и слушал, и на его губах блуждала улыбка, но даже самые веселые песни уже не могли до конца разогнать прижившуюся в глазах печаль. Он смотрел и слушал — и вспоминал. Как угадать теперь, о чем он думал? Конечно, о любимой жене Раечке. А может...

Раечка-то была ведь не первой его женой! Первой была Шура — высокая, красивая и по сельским меркам богатая женщина, которую ему сосватали в юности. Возможно, она осталась бы и последней, если бы дядя Миша не приехал на курсы в Саранск и не увидел здесь Раечку — птичку-невеличку с косами до колен. И все, пропал добрый молодец! Не надо ему сосватанной — дай ту, что выбрало сердце! Не надо ему ни стати, ни бровей вразлет, ни богатства — дай ему Раечку, судьба!

И судьба расщедрилась.

Впрочем, все было не так просто. Миша просит у судьбы Раечку, а Раечка об этом знать ничего не хочет, макает ручку в чернила (разжилась своей) да строчит конспекты; про любовь, а тем более про замужество думать не думает, а «добрые люди» уже донесли Шуре, что, мол, так и так, завелась у твоего благоверного на курсах зазноба. Шура — в Саранск, разыскала женское общежитие, где Раечка проживала, да и закатила сопернице грандиозный скандал. Рая сначала ничего понять не могла: нужен ей этот увалень, у нее и в мыслях не было никого ни от кого уводить. Но когда тебя в этом настойчиво обвиняют... Рассердилась кроткая Раечка: «А ну-к, пошли в мужское общежитие!» Очень она надеялась, что Михаил ступается, возьмет жену за руку, а перед ней повинно склонит голову, да вышло наоборот: голову увалень повинно склонил перед Шурой: «Прости, Шура», а за руку взял ее. Она сделала последнюю попытку уйти от судьбы — потянула руку к себе, но он держал крепко. Так крепко, что куда было ей, птичке-невеличке, вырваться из его широкой ладони, крепкой ручищи. Да, честно сказать, уже и не хотелось почему-то.

И потекли годы счастья. Счастья, в котором, как мы уже знаем, было все: и работа сверх меры, и переживания за детей, да мало ли что еще, о чем не всегда и не всякому расскажешь. Ныла заноза в душе, извлечь которую не под силу было даже Раечке. В первой, оказавшейся такой недолговечной семье, у него остался сын Колька. Отец приглашал его в свою вторую семью, пытался породнить с новыми детьми, но... Колька сказал ему: «Не прощуй!» — и жил с этой обидой до конца своей тоже недолговечной, несладко сложившейся жизни.

За это ему, отцу, отвечать перед Богом.

А вот другого своего Кольку он от беды и дури уберег! Да, когда родился у них с Раечкой шестой ребенок, мальчишка, они назвали его Колькой. И рос тот Колька как две капли воды похожий на первого его сына. Сначала — только внешне. А потом...

Приходят они однажды с Раечкой из гостей и видят: сын их Колька

вместе со своим дружкойм — пьяные-препьяные. Дружок сидит-качается на стуле, а Колька собрался на печку лезть. И тут у отца выиграло ретивое. Выбежал в сени и вернулся с охотничьим ружьем. Наставил его на сына и говорит: «Ну нет, я не дам себя позорить! Я никому не позволю с таких лет водку пить!» Жена молча стояла у печки, только слезы текли по щекам. А отец: «Считаю до трех. У тебя есть шанс убежать и подумать, как жить дальше. Раз...» Колька, кажется, мигом протрезвел и, не дожидаясь трех, убежал в темноту.

В ту ночь никто, кажется, не спал: ни родители, ни дети. И вот утро. Открылась дверь, и вошел Колька. Мать с отцом уже сидели — молча — за столом. Сын — тоже молча — встал перед ними на колени и вдруг заплакал навзрыд: «Отец, простите меня. Вы никогда больше не увидите меня пьяным». Наш ветеран встал на некрепкие от всего пережитого ноги, но сына обнял крепко: «Верю, сынок».

Николай не подвел родителей: и он, и самый младший из сыновей — Евгений, так же, как старшие братья, закончили в свое время вузы и работали потом на руководящих должностях, были уважаемыми в своих коллективах людьми.

«Значит, все мы с тобой делали правильно, Раечка? — возможно, думал наш дядя Миша на том устроенном в его честь концерте. — Ну, а если я где ошибался... Может, ты отмолила мою вину перед Всевышним, моя дорогая Раечка?»

Раечка, которую он, при всей своей любви к ней, не всегда понимал. Вспомнить хотя бы это: «Рай, нам самим спать негде...» А она: «Ты разве не видишь, что они за детей наших молятся, чтобы они были хорошими людьми?» И потом еще добавляла: «Пока такие странники есть, по свету доброта ходит. А без них, может, и мира на земле не будет».

И вот... разве это и не случилось? Перестали заходить странники в наши дома — не потому ли, что мы перестали их привечать? — и мир действительно покачнулся в сторону новой войны. Откуда знала все это она, его маленькая любимая Раечка?! Может быть, как раз от них, людей Божьих?!

Они заходили в их дом и после ее кончины. На этот раз дядя Миша обрадовался: «Заходите, заходите. Раи уже три года как нет, но я вас накормлю. Ночевать оставайтесь». — «Нет, мы к Раисе Степановне пришли». И уже Тане: «Отведи нас к ее могиле, дочка».

Таня повела странниц на кладбище. Они окружили могилку тети Раи, встали на колени и начали молиться. Потом сказали, чтобы Таня шла домой, завернули в платочки по горсточке землицы и пошли своей, только им ведомой дорогой. Таня вспоминает, что, пока странницы молились, такая тишина образовалась вокруг могилы и такая благодать лилась сверху, что ей стало даже жутковато. Побежала домой. Деревья обочь дороги шумели и шумели. Отчего же у маминой могилы стояла такая тишина?..

А концерт для единственного ветерана, между тем, продолжался. О чем дядя Миша задумался опять? Может, вспомнил, как зашла однажды дочь Таня в дом, где они с Сергеем после похорон остались одни. Стала прибираться, дошла очередь до шкафов. В одном из них Раины халаты висят. Дочка подумала: ветшают, пора снимать их с вешалок. Ну и сняла. И тут же услышала гневный (впервые в жизни!) окрик отца:

— Ты зачем халаты сняла? Повесь на место!

— Пап, да ведь мамы уже три года как нет.

— А халаты до сих пор пахнут ею... И неправда, что ее больше нет, — она каждую ночь приходит к нам. Спроси Сергея.

Сын:

— Папка говорит, что мамка каждое утро будит его в четыре утра: «Отец, пора скотину выгонять». И потом он уже не спит: сидит на кровати, уткнувшись лицом в мамкины халаты, молчит и плачет.

...А концерт между тем все идет своим чередом, со сцены сельского клуба звучит песня за песней.

Они с Раей тоже любили петь. Особенно вот эту, старинную:

Полетит кукушка да во лесок,
Совет кукушка да тепло гнездушко...

Дети сидели, слушали, просили спеть еще. И они пели.

И вот — оборвалась песня. Одному не поется...

Дядя Миша умер 17 мая того же года. Через неделю после концерта.

ИЗ ТАНИНОЙ ТЕТРАДИ. Помню из детства: мы в тот день всей семьей мотыжили картошку. И вдруг небо потемнело, потом и вовсе почернело. Мама закричала: «Отец, бежим скорее домой!» Только отбежали немного — налетел такой сильный ветер, хлынул проливной дождь. И молнии, молнии — громадные, они хлестали по всему небу — я такого больше в жизни не видела! Наш отец скомандовал: «Всем лечь на землю!» Мы улеглись кучей друг на друга, а он нас закрыл собой сверху. Никто из нас не плакал, не кричал — было так страшно, словно конец света настал, и мы понимали, что ни слезы, ни крик здесь не помогут. Так продолжалось минут пять, может, десять. Ураган прекратился так же внезапно, как и начался. Мы поднялись на ноги. Смотрим на отца, а у него на лице — не капли дождя, а слезы. Слезы радости от того, что все обошлось, закончилось благополучно. Боялся-то он не за себя — за нас.

Теперь про маму. Я часто узнаю ее во внуке Тахире. Сорвешь при нем цветок — он сразу: «Баб, цветы нельзя рвать, они живые». И в слезы... А если бабочку при нем поймает — слышишь: «А вдруг у нее есть дети, они ее дома ждут. Отпусти». Я все жду, когда он повзрослеет, поглубже станет, а он до сих пор пойманную муху из избы на улицу выносит: «Вдруг у нее там семья, а она ход из дома не найдет». Ему уже двенадцать лет, а мы цветы при нем пока так и не рвем, жалеем. Иногда думаю: вдруг в нем и вправду мамина душа живет?

ИЗ ТОНИНОЙ ТЕТРАДИ. Первым в нашей семье вставал утром отец. Вставал и шел убирать скотину. В четыре заходил в дом: «Мать, пора вставать». Мама к этому времени уже и сама проснулась, но сидела в постели, потягивалась, вздыхала — отходила от сна. И вставать не спешила. Потому что ждала нас, маленьких еще детей. И мы по очереди ныряли в родительскую кровать, и каждого из нас мама обнимала, гладила по голове. Какие блаженные были эти минуты! Нам казалось, что у наших родителей самая мягкая, самая красивая, самая душистая постель — куда бы из нее не уходил! Еще казалось, что так будет всегда — целую жизнь, а жизнь — она ведь вечная-бесконечная.

Но опять голос отца: «Мать, пора...»